

Фарид Нагим
TANGER

Будешь читать -
залепи глаза скотчем!

Фарид Нагим

Танжер

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7972672
TANGER / Фарид Нагим: Кислород; Москва; 2011
ISBN 978-5-901635-23-0

Аннотация

Фарид Нагим, прозаик и драматург от бога. Права на его пьесы, поставленные во многих театрах Европы, принадлежат Берлинскому театральному агентству «Хеншел Шаушпиль», которое работало с произведениями Горького, Булгакова, Есенина, Вампилова, Петрушевской и Улицкой. Своей театральной родиной он считает Германию – именно там впервые увидела свет его пьеса «Крик слона» (лауреат премии «Русский Декамерон» 2003 года), а также другие произведения.

«Танжер» – дебютный роман автора и этот дебют наконец в России!

Танжер город-рай, остров безрассудства, сладостных наслаждений и вольных мечтаний. На Танжере в свое время были повернуты все французские интеллектуалы. Этот город был их территорией независимости – песок, любовь, наркотики. Они бежали туда из мертвой Европы, прятались от своих жен и любовников. Там же и умирали.

Фарид Нагим пытается найти свой Танжер в холодной и циничной Москве...

Содержание

Часть I	5
Один	5
Два	54
Три	69
Четыре	77
Пять	92
Шесть	106
Семь	112
Восемь	143
Девять	150
Десять	155
Одиннадцать	169
Двенадцать	183
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Фарид Нагим

TANGER

*Бабочка под дождем
бьется о стекло
ведь ждет ее рай
за прозрачной стеной!*

Часть I

Пансион с картонными стенами и бумажными ширмами вместо дверей. Снаружи – Танжер... несколько улиц, темнеющих по мере того, как, мигая, гаснут фонари на старой съёмочной площадке.(...)

Я иду следом за женой владельца по картонному коридору. Складная ширма выводит на улицу, и я делаю поразительное открытие: снаружи Танжера нет.

*– Там же вовсе не Танжер! – восклицаю я.
Уильям С. Берроуз «Книга Снов»*

Один

– ...Так, а сколько сейчас времени?

Часы на руке. Циферблат. Цифры в круг.

«...скорый поезд Алмата-Москва прибыл на шестой путь...»

Пыльные крыши вагонов. Серое небо, облака, шпиль наискосок. Птицы.

«...пиво, пирожки... пиво, горячие пирожки... пиво, горячие пирожки...»

Закурить. Отойду туда – сразу закурю. Закурю, постою и пойду тогда.

Сколько времени? Так. Одна сигарета. «Казахстанские». Сколько времени? Ты же смотрел. Два часа тридцать минут. Специально посмотрел и даже не увидел. Два часа тридцать минут, надо запомнить. Надо закурить, это последние «Казахстанские». Пачку оставь. Покурю и тогда.

«...нумерация вагонов от хвоста поезда... уважаемые пассажиры, электропоезд Москва – Рязань...»

Как же приятно закурить. Так сжимается горло. И этот дым из легких сквозь губы, этот звук выдоха, который только ты и слышишь. Мурашки по плечам, передергивает. Холодно немеют скулы. Приятно стряхивать пепел на асфальт. Мягкое тепло к пальцам от огонька. И недолгое счастье.

Крыши вагонов, сизый дымок над ними, небо, черный асфальт, старые ботинки, картонные коробки.

Пахнет соляжкой, и углем, и долгой дорогой из вагонов. Так, ты уже смотрел – сейчас полтретьего. Крыши вагонов влажные. Отражается. Небо. Анвар, вот я и вернулся. То же

серое небо, облака, тот же шпиль среди них как всегда. Дым как-то ярче стал виден, крыши вагонов заблестели – а-а, это же дождик пошел...

Сгорбившийся у парапета старик в пальто. Бомж.

Всегда, когда приезжаю в Москву, моросит дождь.

Смотрит. Лицо такое. Идет. К тебе идет. Сейчас попросит закурить, последняя. Извини, дедушка, это последняя.

– Молодой человек, давай я тебе вещи помогу донести.

Денег-то нет.

– А, спасибо, но у меня денег... это, три рубля, что ли, есть. Три рубля вроде есть, и на метро еще.

– Ну и ладно, я так тебе донесу.

Как же он ее потащит, такой маленький бомж?

Старик, согнувшись набок, подволакивая ногу, тащит коробку, перевязанную шарфом и брючным ремнем.

Не убежит, нет? Куда убежит, тяжелая такая! Голуби под ногами кучкуются. «Все о знакомствах», «Знакомства», «ЖОЗ». «Нелюбимая, ждет меня, вечерами темными, у окна, ждет меня одна...» Эту же песню пели, когда уезжал, в этом же киоске... где старик? Тяжело ему, а тащит, а!

– Ну вот, все, дальше метро, спасибо тебе, дедушка, вот, шас, вот три рубля, честно, прости.

– Ладно, нормально.

Надо же, все-таки взял, не хотел как будто, а взял. Он думал все-таки, что больше дашь. Не-лю-би-май-я ждет меня, вечерами... Надо заранее снять. А то подумают, что это,

стыдно как-то. А так это просто из кармана, как будто это... а другое. Испугался, ты ж в вагоне еще снял. Пизде-ец... В кармане. Оно. Я же в вагоне его еще снял. Так достанешь небрежно из кармана, как будто кто-то там дал, допустим, чье-то, как будто... Этот же орден со знаменами, как всегда в этом переходе на Комсомольскую. Вон они стоят. Вот они, здесь, как всегда. Коробки чуть подальше поставить, в сторону от них и так это...

Скупка изделий из золота и серебра

– Здравствуйте, я бы хотел кольцо сдать.

Из кармана так. Мол, так вот чье-то, мало ли кто, мало ли чего.

Мужик вроде ничего. Что это, определитель золота? А нет, это весы такие, электронные. Как у них все это... кольцо, наверное, тысяч на сто пятьдесят потянет по минимуму. Не-лю-би-май-я ждет меня... Да, тысяч сто пятьдесят, мало-вато, конечно, но что, ношеное...

– Восемьдесят тысяч получается, командир.

Иё-о!.. во сколько... в три раза.

– Восемьдесят, говорите? Та-ак...

– Видишь, оно погнутое у тебя, и вообще видно, что носили.

Боже мой, оно стоило почти триста тысяч рублей! Восемь-десять, восемьдесят, восемьдесят на что, на что?

– Ну, как? Больше тебе никто не даст, оно погнутое.

– Да-а, точно погнутое, даже непонятно отчего, как будто

молотком... что ж... хорошо.

Пересчитывай... пятьдесят, шестьдесят, пятьдесят — шестьдесят, так, да — восемьдесят. Раз, два, три, восемьдесят. Спасибо, хули...

— Спасибо.

Еще пятьдесят шагов протащу и отдохну. Главное, чтобы мент не стоял возле той дверки. Как вспотела спина. Постой. Вот так вот просто, Степной барон, на маленьких, плоских электронных весах взвесили всё, и за всё про все — восемьдесят тысяч рублей, а ты переживал, мучился, ночами не спал и все курил. Боже, помоги мне, лишь бы не было ментов, даже билетов нет у меня, боже помоги мне, лишь бы не остановили. Сейчас, еще немножко, еще тридцать шагов... еще вон до той колонны. Все прилипло к спине, дай бог дойти. Еще и на Новослободской переход. Сейчас будут менты. Здравствуй, Димка, я вернулся! Ха-ха... Ты чего? Все, Дим, вот так. Нет, не так. Привет, Дима, это я. Ты что? Уезжал и думал, что на всю жизнь, а вернулся через месяц... Привет, Дим, вот так вот... Мимо. Не заметил. Вон еще двое. Того остановили. Сейчас меня. Точно меня. Прямо передо мной ушел. Биссмилля рахман и рахим...

Вылетает, отойди от края, какой ветер. Ебнет зеркалом.

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция...»

Отражение бледного лица в черном стекле электрички.

О! Дима. Привет, Димка. Да, я вернулся. Думал, что уезжаю на всю жизнь, прощался с Москвой навсегда, а вернул-

ся через месяц. Да, так и надо будет сказать. А ты Юрку не видел, Дим? Юра, деньги не высылай, я еду сам. Не-лю-би-май-я ждет меня... Вряд ли выслал... А если выслал? Без денег останешься, вот и все дела. Не-лю-би-май-я ждет меня вечерами тем... Красивая какая...

ФИЛИПС – ИЗМЕНИМ ЖИЗНЬ К ЛУЧШЕМУ! ТЕФАЛЬ – ТЫ ВСЕГДА ДУМАЕШЬ О НАС!

Места для инвалидов, лиц пожилого возраста и пассажиров с детьми.

– Счастливо тебе, Асель, – и такой у меня вид жалкий.

– Прощай, Анвар.

И снова легла, почти упала, болела.

– И ходит еще, молчит, не разговаривает такой, ничего себе!

– Что? А что мне говорить, Асель, что?

– Уёбище! Отпусти руку!

Чуть не ударил тогда, и только сильно рванул за руку.

– А, Димка, привет, это я, вот так вот, думал, что уезжаю на всю жизнь... Юра, долг не высылай, как договаривались, я сам уже еду...

«...Дмитровская. Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...»

Сухо как во рту! Мент... только сегодня приехал, товарищ милиционер, мол, это, можно заплакать, короче, он пой-

мет, мужское братство. Поймет, блядь!.. Пить. Как выйду, выпить. Только сегодня приехал, вот коробки. Только сегодня.

Ту-дум-тум... ту-дум-тум-тум... ту-дум-тум-тум... ту-дум-тум-тум...

Общага, вот я и вернулся, пиздец какой-то.

Круглые часы «ЗИЛ», без пятнадцати одиннадцать. Охранник как будто не узнает. Да, типа не узнает. Это же я. Уже не пустит.

– Пропуск!

– Я только коробки оставляю и назад.

Неужели паспорт потерял?

Комнату Димкину забыл. Она.

«Димка, мы в 605, если что, поднимайся (с гитарой)», – я писал, а будто и не было ничего.

– Дим, открой, это я – Анвар, я вернулся.

Спит, что ли?

Что он смотрит, бля?! Первокурсник, наверное. Сейчас закурить попросит... как сговорились... а ты выглядишь, как лох доступный.

– Извините, его нет, он вчера самоубийством покончил.

– Что?

– Он вскрыл себе вены, «Скорая» увезла. В очках такой, да?

– Да-а...

Круговое мелькание пролетов. Вспученный линолеум ко-

ридора, выбоины и следы от окурков на стенах. Двери. Пыльное, грязное окно в конце, в открытой форточке свежее, яркожелтое свечение. Подходит к двери в конце коридора. Поднимает с пола окурки и, опалив зажигалкой фильтр, закуривает.

– Юра, открой, это я – Анвар, – тихо. – Я вернулся.

Стучит. Тишина.

– Нет, что ли, никого?!

Отходит, громко топая. Тихо возвращается, слушает.

Шепот. Звук отодвигаемой задвижки.

Да-да, так надо будет сделать, мол, спокойно, Юра это ограбление.

Дверь приоткрывается и высовывается голова.

– А! Бабай! Ты че, вернулся, что ли?

– Я. Да...

Смеется, обнимает. Как всегда эта Юркина манера стучаться лбом в плечо.

– Давай, проходи, не стесняйся, будь, как дома, обувь можешь не снимать, – ищет кого-то за спиной Анвара.

Комната. Кровать. Маленький щуплый паренек курит. Нысо стриженная голова. Большие уши. Испуганные серые глаза. В углу большая дорожная сумка «Marlboro». Еще одна кровать, полосатый матрас с желтыми разводами. Индийский земляничный чай, маргарин Rama, ЯЛОВИЧИНА – тушкована вермишель... Ели!

– Ну, ты чё сидишь, как будто человека съел?! – склоня-

ется Юра к пареньку. – Поздоровайся с дядей.

– Паша.

– Анвар.

– Как-как?

– Анвар. Был такой еще, Анвар Саадат, если знаешь, конечно.

– А-а... не-ет...

– Ты глянь-ка, Бабай? У него печатка на мизинце. Мол, крутяк, Аль Пачино, на хрен. Откуда вы такие беретесь?! Лучше бы ногти почистил.

– Достал уже, блин! – Паша прячет руку в карман. – А чё тогда сам говорил: подари, подари...

– Это мой друг! Вот. Кровный, без булды, – Юра стучится лбом в плечо Анвара, обнимает его. – Друзья закадык, братья... Да он барон, бля! А ты чё приехал-то, в командировку, что ли?

– Я, Юра...

– О! Хорошо, что ты пришел! Я тебе стих почитаю. Ночью написал. Вот глянь. Сядь, или нет, прислонись к стене, а то упадешь, ха-ха!

Значит, денег нет... скажет «нет» как всегда. А ты еще боялся, как бы он тебе не выслал долг в Алматы.

Вершат унылую работу
метаморфозы естества.
Как будто с фресок позолота,
с дерев осыпалась листва.

– А?! Скажи: клас-с! Или вот, – ищет другую запись на обоях. – Как золото на дне лотка – дни, озаренные тобой. Не то. Вот:

Чернеет ворон на снегу,
И на душе тоска такая,
Как будто выбрит и покаян,
И застрелиться не могу...

– Нет, лучше – а застрелиться не могу, – исправляет букву на стене. – Как будто выбрит и покаян, а... а застрелиться не могу. Так лучше! – отходит и любит.

И тогда все это было точно, как сейчас, исправлял букву, и было чье-то движение и какой-то вопрос.

– А романы свои тут тоже на обоях пишут? Войну и мир, нафиг! – Паша.

– Он тоже поэт, – Юра, показывая на Пашу.

– Угу.

– Хреновый поэт!

– Пошел ты.

– Тоже учишься здесь?

– Не-ет, я проездом... в Африку еду.

– Seriously, Бабай!

– В Африку?

– Прикидай, но? – закуривает. – К жене еду. Насовсем, нафиг!

– К жене? Она что, негритянка, что ли?

– Да нет. Она там на фирме работает... Юрок, а где моя барсетка?

– Откуда вы такие беретесь?! Ба-арсетка, – кидая со шкафа сумочку. – Драная, шоферская сумка. Ба-арсетка!

– Вот, визитка ее.

– Гвинея Биссау... Ничего себе. Она еврейка, да?

– Отец еврей, мать хохлушка. Русская, можно сказать. Но.

– А-африка, – «ты так наивно радуйся, играй – ведь ему так хорошо сейчас, хотя действительно у...».

– Охо-хо, боже мой...

– Ты чего, Анвар?

– Да нет, ничего, просто завидую тебе.

– Да я сам себе завидую, нафиг! Даже не верю до сих пор.

– Дай докурю. Фу, свинья! Весь фильтр обслюнявил! – Юра обжигает фильтр зажигалкой, брезгливо осматривает.

– Я вообще курил, а не слюнявил.

– Это все монопенисуально.

– Ох ты, ёпт таю, ученый какой... Анвар, ты в «Барби» разбираешься?

– В чем?

– В куклах «Барби». Я тут дочке куклу купил...

– У тебя дочка есть?

– Окса-анка, три года уже.

Противно так рот растягивает. Ботинки с квадратными носами. Как они могут эту херню носить?! Воротник рубахи

грязный. Муж, бя.

– Вот, в ГУМе купил, сказали, что не китайская.

Юра ухмыляется у окна.

– Кла-ассная кукла, Паш!

А тебе, Анвар, ночевать теперь негде из-за этого козла.

– Она при всех делах, прикидай? Даже в животе дырка для ребенка. И дети, как мышатки, ей-богу. Я офигел, когда увидел!

– Придумают-же, а? Лишь бы продать.

– Жене духи купил, – достает коробочку. – Ничего?

– Ду-ухи, блядь! Что, у нее там своего парфюма нет, что ли? – спрашивает Юра. – И вообще, что ты мне здесь свой сидор потрошишь?! А?!

– Кла-ассный запах – горький, он очень идет женщинам.

– Чё там классного, Анвар? Давай, как раньше, – Юра стучится лбом в плечо Анвара. – Сейчас чайку запаганим. Не крепкий, не-ет, но чтоб «купец», чтобы ложка стояла! А? О жизни покракаем...

На улице скрежет тормозов. Жесткий и тупой звук удара. Паша, вытянув худую шею, смотрит в окно.

– Ой, бля-а-а, – болезненно морщится. – Мужика сбили, вон-вон, гля, отлетел куда, лежит весь такой. Туда. Аж нога не туда вывернулась. Не дай бог, не дай бог! Тьфу-тьфу! Тьфу, не дай бог!

– Как же я ему завидую!

– Тьфу-тьфу... Ты че, больной, что ли, на всю голову,

Юрок?!

– Как же я завидую, что сейчас приедет «Скорая», его положат на носилки, привезут в Склиф и сразу вколят морфий.

– Какой морфий, Юрок?! – хихикает. – Он умер уже! Если ботинки слетели, значит, насмерть, каждый водила тебе скажет.

– Ну, все. Пора, – Юра стучается лбом в плечо Паши. – Пора идти за чеком, Пашок-мешок. Давай денег, я быстренько обернусь.

– Юрок, не обижайся, я не буду.

– А теперь подумай хорошенько и попробуй еще раз.

– Юрок, я завязал.

Так же мог лежать я. И весь мой скарб из коробок по всей улице... пишушая машинка, бумаги, книги, бритвенный станок с потертым лезвием.

– А куда ты, Юр? Что случилось?

– Забвения надо купить, Бабай. Мы с ним вместе начинали. Боже мой! Рисовались, каждому лишнему кубику дозы радовались, в ладоши хлопали, кураж такой был – что ты – все по-взрослому... эх, помнишь, Павлушка? Ну, все, кончай ебать мурочку, давай деньги и я пошел, здесь пять минут всего-то идти.

– Юрок, я уже полгода не ширялся. Слез я, Юрок.

– Ты че, козленок, горя, что ли, не видел?! Фу, бля! Объясняю еще раз. Надо полсотни лавэ. Для тебя! Не для меня! Ведь я приду, и ты попросишь у меня. Да-ай, Юрок шир-

нуться. Юрок, дай ширнуться.

Смешно, конечно.

– Во-во. Так и будет, Бабай! Вот увидишь.

– Я не попрошу, Юрок. Точно тебе говорю!

– Фу, чушок! Не ожидал я от тебя такого.

– Юр, извини, я не буду.

– Паша, я беру дешево. Задарма.

Как лицо кривится, как будто заплачет сейчас, он всегда так, как будто кожу лица по черепу размазывает.

– Еще раз говорю тебе – чек стоит семьдесят. Я у тебя прошу полста.

– Юрок, однозначно, – Паша невидящим взглядом в окно.

Юра идет к двери. Поворачивает голову и поднимает вверх указательный палец.

– Поцелуйте меня в спину! Ниже... ниже... ниже. О! – вытягивает палец, замирает. – О-о!

Юра одевается.

Новая, бля, кожаная куртка у него, а ты, как бомж, Анвар.

– Бабай, у тебя, случайно, жетончика на метро не будет?

– Не-а, Юр.

Юра уходит.

Шесть часов уже! Ебанный ты, ебанный Юра. На иглу меня чуть не посадил, чтобы в рабство свое взять, это первое. Благодаря тебе у меня пропали туфли и зонт, это второе. И денег не выслал мне в Алматы, как обещал, а я жду, идиот, голодаю там хожу. Музыкальный центр проводникам отдал

за место.

– Она такая хорошая! Знаешь, как я ее люблю?!

– Что, что говоришь?

– Про Алинку, жену свою. Я ее так люблю, что хочу, чтобы все были счастливы, чтобы у всех все было хорошо, чтоб был мир во всем мире!

– Да-а. Ты молодец, что ширяться не стал. Тебе в Африке будет хорошо – у тебя челюсть такая. Массивная. Тебя там все за англичанина принимать будут.

– Ага, классно. Море, жара, чунги-чанги всякие бегают. А ты чего, тоже, как Юрок, учишься здесь?

– Учился. Закончил в этом году. Я так приехал из Алматы... в командировку. У меня там жена.

– Кла-ассно. И Алинка тоже хорошая, такая честная, блин!

– Ты молодец, что Юрке не поддался.

– Ага. А ведь это она меня с иглы сняла. А Юрок вообще намного раньше меня ширяться начал.

– А вы как с ним познакомились?

– На стройке, вокзал вместе в Оренбурге строили. Он мне поддержку давал, защищал меня. Он же сидел, ты знаешь? Не-ет, он так-то хороший. Потом уехал сюда, в Литературный институт поступать. А меня там вообще чуть не посадили, прикидай. Алинка ко мне ходила. Я только благодаря ей с иглы слез. Seriously. Так бы никогда не слез. Она такая хорошая! Честная такая, нафиг!

– А документы там, загранпаспорт, визы всякие?

– Нормально. Все сделали с матерью. Нормально, хлопотно только. Хорошо, что так. Дома работы нет – все сидят, бухают друзья, короче. Ладно, ты не обижайся, я пойду, короче, пока Юрок не вернулся.

– А-а. Ну, давай.

– А это, Анварок. А как, блин, до Шереметьева-2 доехать?

– Сейчас выходишь, садишься на тройку, доезжаешь до метро «Дмитровская». Там едешь до «Менделеевской», подожди... да, с «Менделеевской» пересаживаешься на «Новослободскую», доезжаешь...

Не доедет он.

– Так, ясно, до «Менделеевской», потом на «Новослободскую», я-а-сно.

– Слушай, Анвар, ни хрена не понял, на самом деле!

– У меня тоже так было по первой в Москве.

– А может на тачке?

– На машине с тебя тысяч сто возьмут, по всей видимости.

– Ни хрена здесь цены!

– А самолет во сколько у тебя?

– В восемнадцать ноль-ноль. Завтра, вечером то есть.

– В общем, Паш, ты сегодня оставайся здесь, я сам тебя завтра провожу, время же терпит.

– Да я рад бы, но у меня документы на вахте остались, охранник прикопался и все, блин!

– Да-а, сегодня мудака на вахте, точно... а я тебя через чер-

дак проведу, я сам так. Ты сейчас, короче, выходи и забирай документы, как будто уходишь насовсем. А я спущусь через чердак и во-он возле того светофора встречу, только смотри через дорогу осторожно, сам видел.

Ебанный ты ебанный, Юра!

– Я-асно, значит там, – Паша смотрит в окно. – Все, запомнил, там вон мужик еще стоит в красной куртке.

– Кто?

– Понял-понял, короче, это я уже прикалываюсь.

Веснушки такие, застенчивые, и когда смеется, то как-то сгибается в груди, как будто ждет удара за свой смех. Наверное, так его мама смеется. У таких худых член всегда толстый. Как у Васянки. Да, удивительно.

.....

Таганка, все ночи полные огня...

...Извините, я вам не помешаю? ...зачем сгубила ты меня. Ух! Ну и чичер на улице! Дай, погрею. У-у, якши. У-у, якши. Уши у тебя теплые, Паш.

Значит, ты дурак! Как еврейка могла такого дурака полюбить?

На черных чуть не нарвался возле комков... ассирийцы, бля, черные...

...Бабай, ты че сидишь, как будто человека съел?

– А? Да так, Юрок, дремлю... голодный был, перепил...

– Анвар, он все уши мне своей Алиночкой прожужжал. А-алиночка, А-алиночка моя. Пивко попивают, богачи, хули... Ты, эмигрант, дверь закрой!

– Пришел, бля, командир! Да, Анварок?

– ...Вот оно – забвение. Забвеньице мое! Та-аганка... у эти изиты, давить их...

...Так, из чайника из носика никто не пил? Смотрите мне! Та-аганка, все ночи... Все ночи полные огня... черножопые, бля... У-у эти изиты, слоны... лоси, бля...

.....

Юра. Коричневая куртка. Лоснится. Красные руки. Брюки отвисли на коленях. Засаленные. Стоптанные мокасины. Сжимает ладонями голову Паши, трёт.

Банка пива. «Белый медведь».

Проявляется лицо Юры. Мелькнула рука.

Неподвижный рисунок обоев.

Паша. Закрывает дверь на защелку.

Юра расстегивает брюки, сует руку в пах.

Достает пузырек из-под пенициллина и маленький темно-коричневый квадратик чека в целлофане. Скребет ножом

чек. Закопченный ковш.

Ставит его на плитку. Полка, книги.

Достал одноразовый шприц. Ватку намотал на иглу. Набирает воду из чайника.

Снимает ковш с плитки. Покачивает его в руке.

.....

Юрка. Юрка поет.

Замерз, видать? Ходит на полусогнутых, как горилла.

Большая у него нога...

Они же дружили когда-то. На стройке, наверное, так грелись?

Ненавидит черных... кавказцы.

Это он тебе говорит, Анвар.

Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве... если закрыть глаза, будет тошнить, да, улетаю... тошнит... пожелай мне удачи в бою, пожела-а-ай мне-е-е...

Он что, и член, что ли, себе отморозил? А-а, ясно, спрятал...

Изиты какие-то, кто такие...

...я-асно – процесс у него пошёл... в туалет, что ли, сходить, если встану – стошнит, надо стошнить в туалете...

Аж дыхание затаил... Чай, что ли, будет пить?

.....

...За-ачем сгубила ты меня... опиечек мой, мой опиек,
мой опиечечек, радость моя, солнышко!

...опиёчек мой, опиек...

...ВОТ она – моя опиющечка...

...опиюнечка, моя опиюнечка...

...Фу, чушок! Что он мне продал?! И это чистый ацетон?!
Это уксус, а не ацетон! Он же мне все запаганил! Что же мне
теперь? Что я вам, а?! Фу, фу! Они всегда мне все паганят!
Черные...

– Это ацетон, Юрок.

– А-аце-тон, Йю-ро-ок! Пусть Бабай понюхает...

– По-моему, это цыстейший ацет-н, Юр. Пахнет так...
краской...

– Да, а мне что-то показалось.

Опиечек мой, мой опиек... опиё-че-чек-чечик...

У-у-у... Ббббб... ткх-г...

.....

Паша. Сумка. Marlboro. Нагнулся над сумкой.

Паша в черных очках. Курит.

Приподнимет ковш, качает в руке, снова поставил.

Снимает ковш с плитки. На стол поставил.

Нюхает какую-то бутылку.

Паша в черных очках. Бутылочка в руке. Нюхает.

Бутылка у меня в руке. Мои пальцы, ногти.

Это я ставлю бутылку на стол.

Набирает шприц. Коричневая жидкость.

Юра... стул... обмотал руку полотенцем... закручивает его.

Прижал руку к колену.

Ноздри раздуваются. Вводит иглу.

.....

Прикол, ...зачем он надел черные очки, как будто он уже там у себя в Африке? ...пальцы дрожат у него.

Так нежно, очень нежно, бережно...

Передразнивает его «Алиночку».

Что он так кричит?! Напугал... Ну и че ты... Как исказилось лицо. Брови задрал. Рот кругом по лицу.

А Паша боится, услужливо так нюхает, как раб...

Про тебя говорят, Анвар. Что-то там пусть бабай сделает.

Бутылка какая-то липкая, вообще ничем не пахнет... вроде краской пахнет... ремонтом таким...

Как бы не ебнулась... язык заплетается...

Так мало... чуть-чуть совсем...

Вены будет перетягивать...

Аж вспотел весь... аж капли трясутся у него на лбу...

.....

...у-ух... сука...

...Пашок, помоги, хули смотришь?

– Давай, достал уже ты меня...

– Закручивай сильнее. Все вены попрятались. Боятся. Понимаешь, Бабай, срабатывают защитные функции...

...и ни одной вены, так глубоко уходят. У тебя вон, видишь какие вены... Ах, какие у тебя вены, Пашуля...

– Ты давай смотри мне не вколи по ошибке!

– У меня тоже такие были, вон, как у Бабая. Эй, Бабай, спишь что ли?!

...Видишь, не попал. Крови нет. Кровь должна появиться, Бабай.

– Ну что, Юр, ничего?

– Не-а, Бабай... подожди...

...Паша, ослабь немного...

Закручивай... Ни хрена! Ну вот что мне, блядь, дела-ать, а?!

Закручивай сильнее, гово... да сними ты эти ёбаные очки, ёбаный твой род!

– Пошел ты на хуй, Юрок!

.....

Вынимает. Вводит.

Паша. Черные очки. Гитара. Пол.

Вынимает. Вытирает рукавом пот.

Паша рядом с Юрой.

Паша крутит полотенце.

Показывает иглой шприца на Пашу.

Паша отскочил от Юры.

Юра колет руку.

Склонился над Юрой, вижу свои колени. Белая рука Юры.
Игла приподнимает кожу.

Жмет кулак.

Вводит иглу. Вынимает. Вводит.

Вынимает.

Рука со шприцем падает вдоль тела.

Паша бросает полотенце, отходит к окну. Закурил.

.....

Паша... гитара... пол... это ботинки мои... ушли – это я
их утянул сам под кровать.

Что они там, борются, что ли?

А-а, ясно...

...что они там сейчас делают, сидят, наверное, вдвоем с

матерью на диване, про тебя говорят, в комнате темно, за окном листья жжёт дворник-казах на бульваре... побывать бы там... так, незаметно совсем, хотя бы минуты на три...

...та-да-дам-там-там... та-да-дам...

...привет, Аселька, как ты там... интересно, выздоровела или нет... на работу...

Про тебя опять, что-то... а, вены сравнивает... как будто заснул, хм.

Посмотреть, что ли...

Мужской такой запах, отцовский...

Как кожа натягивается, как тряпочная.

Паша так отодвинулся...

Пашка-то вспотел тоже весь.

Ни фига кровь не пошла...

Да-а, а главное так просто всё... как я не знаю что... как же просто...

Что это? Он плачет, что ли.

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

.....

– У-у-у, б-б-б! Я ебу в рот такую жизнь! Анвар, бля, хватит пальцами барабанить... мне по мозгам!

...м-м-м-м-м...

...Поймал-а-ал... Все, Анвар. Молодец. Ма-ла-дец, Ан-

варка!

Ф-фу-у-ух... ха-ха... а-ахх

...еще и на утро хватит.

– Нормально?

– Угум, Бабай, спасибо тебе...

Что, ...аша?

...а-а-а... ша-ша... хм...

– Да на, Паша, на! Что же ты ебал мурочку? Я же знаю. Знал. На, возьми, я же говори-ил попросишь...

– Спасибо, Юрок! Спасибо тебе!

...Спасибо, Юрок.

...Спасибо тебе, ох...

– Ты че там прячешь, Паш, а?

.....

Юра поднимает кулак со шприцем.

Трясет им в воздухе.

Закручивает полотенце. Вводит иглу. Колено трясется.

Замер.

Глубоко вздыхает. Дыхание срывается.

Почесывает горло. Медленно.

Почесывает щеку. Медленно.

Смотрит на шприц.

Почесывает ноздрю.

Моя рука трогает Юру за плечо.

Почесывает скулу.

Медленно достает сигареты, закуривает. Смотрит, прищурившись за мою спину, ухмыляется.

Шприц. Юра протягивает мне шприц.

Паша сзади меня выхватывает из рук Юры шприц.

В угол отбежал. Занавеска. Косо мелькнуло в темноте лицо. Черные глаза.

Присел, согнулся, ищет с левой стороны, скрючился, ткнул... надвинулся... качается.

.....

...а я что, пальцами барабанил... даже не заметил...

Так скорчился весь, как будто...

Что это?.. как просто...

...как же все это обычно, и не страшно совсем, а главное, как все просто.

Хорошо, видать ему, как будто проглотил что-то большое и такое приятное. Так – А-а-а! Фу, аж ты сам расслабился. Он аж осветился весь. Паша смеется так... нервничает, очки снял...

Что? Куда он там смотрит?

Там Паша за твоей спиной... что? Что он там... чё он там де...

Что – на? Зачем он мне? Я что... иди ты, бя, я не буду... Это он не тебе.

А, это он Паше шприц... на, выброси, мол, что ли?..
Какая белая кожа... Что это он?

Что он, в карман, что ли, прячет?!

Че он там... приколист какой-то...

Какие красные уши.

Пустой шприц.

.....

– ...Ох... спа-а-а-сибо тттбббе... хи-хи... ..хи-хи-хи...

– Ты чего, Паша? Юр, пиздец...

– Ладно, Бабай, ты не кипешуй...

– Что, Бабай, сплехело?

– Аха, пиздец просто, Юр... две банки на голодный желудок...

– А ведь я, Юр, чего вернулся-то...

– А-а. Бабай... а правда, говорят, что Чубайс цветами на вокзале торговал? Скоро пойду на Киевский лотереей торговать. Постояю, зубы вставлю. А потом поеду в Киргизию лечиться. У доктора этого... н-некролога. Потом книгу стихов выпущу. Это будет гениальная... А-ай, блядь!.. книга о любви, блядь.

– Не знаю, Юр, не знаю... тебе бывает страшно просто так?

– Ты знаешь, что у меня после того, как ширнусь, хуй не стоит? Вот такой вот. Сколько раз бывало... уколемся и девчонке... сколько их подсаживается на это дело... Юрок-Юрок... и вот она... ей еще больше хочется... разденемся, она и так и эдак, а у меня вот так вот и все... сколько раз бывало.

.....

Медленно качается. Смеется.

Большие красные уши. Я стою над Пашей.

Туалет. В унитазе пиво с орешками, с губы тянется лип-

кое. Раковина. Чьё-то лицо мелькнуло впереди.

Юра. Курит. Покашливает.

Почесывается.

Паша. Голова на столе.

Юра вздрогнул. Обводит взглядом.

Я. Опустил голову. Сижу. Пальцы сцеплены.

Закуривает. «LM». Выпускает дым.

Дернул рукой. Сигарета. Пальцы обжег.

Показывает согнутый палец.

.....

Это пиздец бля, какой-то! Это же он себе... вколол... всю дозу!

Это твое лицо в осколке зеркала. Моё?! А там почему ничего? ...там зеркала нет.

Тепло в комнате.

Спит, что ли?

Какой мягкий добрый взгляд.

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

Что?.. Обжегся он... Что гениальная?.. а-а, книга. Не будет уже ничего, Юра... какие деньги, что с него взять, сам дурак, что одолжил...

.....

А я заметил. Заметил, что ты тоже заметил, что я это. Что я с опием, как с женщиной. Это я все из-за этого негра. А-а-алиночка моя, моя Алиночка. Но я одно дело понял, Анвар. Бог дает мужчине женщину, и больше ничего. Больше в этом мире нет ничего! И даже если у мужчины нет женщины – ты ищи, где он ее прячет. Когда зайдешь к мужчине, сразу ищи, где он прячет женщину – в шкафу, в ящике стола, под кроватью, в кошельке – и ты ее найдешь! Она может маскироваться под рукопись, под мольберт, под оружие, она может тихо сидеть в скрипке, где угодно. Другого не дано! Просто не дано, понял меня, Анвар. Моя женщина прячется здесь... Видишь, какая маленькая? После нее у меня даже не стоит. Это ревность... Коварная проститутка! Погубила ты меня! Его женщина... думаю, в Африке, а может, и еще где, я пока не знаю, где он ее прячет, а может вообще нет, зачем таким женщина...

– Юрок, че та нет прихода...

.....

Показывает согнутый палец.

...резко двигает телом, наклоняется, ищет...

Ищет. Шприц. Показывает на шприц.

Паша.

Паша.

.....

Сморщенный член. Женская рука на нём. Сморщенный член.

Блестит в темноте плоскость спины, изгиб бедра. Юра лежит.

Сморщенный член.

...та-да-дам-там-там... та-да-дам— ...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

...а твоя, где прячется твоя женщина, Анвар... где ты?..
...лица... девушки... лица...

...не слышит...

.....

– Ты гля, гля на него! Нет прихода! Да ты в зеркало на себя посмотри. Смотри, какая у тебя морда красная. А? Скажи, Бабай? Ты гля, гля – че та нет прихода. Скажи ему, Бабай!

– Да, классная, то есть красная.

– Да? Анварок, это ты... вот, а, хм?..

– А твоя женщина, Анвар... смотрю на тебя и, честно говоря, не знаю, не знаю, не понял я тебя... ищи, если найдешь – скажешь мне, я запишу...

Тага-анка, все ночи полные огня. Тага-а-анка, зачем сгубила ты меня... Ей, Чунга-Чанга, ты что там потерял?

...опять по пятницам... Э-ей, эмигра...

Анвар! Быстро ложку! Он уже язык проглотил!

.....

Юра. Обиженное лицо.

Паша. Поднял голову. Смотрит. Не узнает. Ощупывает лицо. Смотрит на ладони. Ощупывает.

Паша. Нагнулся. Гладит пол под столом. Кряхтит. Слюна. Сплюнул.

Юра. Смеется. Смотрит. Подходит к Паше.

Нагнулся. Рассматривает. Пинает ногой стол. Паша падает.

Вытягивается на полу.

.....

...как же Юра испугался, странно... испугался... мол, хороший наркотик, хороший... как будто мы его обвиним...

Точно красная, Паш... Юр...

Как будто оно чужое... как будто от этой херни его жизнь зависит... вот и прилетит он теперь такой в Африку?

Какого же хуя?!

Ёбаный ты, Юрий Дмитрич Разбродных...

Чё-то ищет. Окурок... закурить, что ли? Что он там потерял, может, деньги какие упали?... пьяные всегда боятся потерять... та-дам-там-там... та-дам-там-там...

...группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве...

.....

Надо же, как запали глаза. Как в ямах каких-то, как из синих труб. Сегодня же день седьмого ноября, красный день календаря.

– Ложку давай! Передоза у него! Павлушка, Павлик, не спи!

«Что?.. Зачем он бьет его?!»

.....

Удар створок.

Визг и вой лифта.

Приближающийся шум лифта.

.....

– Снял!

– Выламывай у него пальцы на ногах. Можешь даже слегка зажигалкой. Он не должен заснуть. Если он заснет, он умрет!.. все, Бабай, теперь до утра не уснем, потащили его в туалет, отливать будем, – выскакивает и выглядывает в коридор.

– Никого. Давай быстро! Берись!..

...устал уже от этой песни... откуда она привязалась?.. это же Паша пел – группа крови на рукаве... не пой её больше... не петь!

Анвар подползает к Паше. Прижав ухо к груди, слушает его сердце. Потом прижимает ладонь к своему сердцу, потом к сердцу Паши. Потом одну ладонь к своему сердцу, другую к сердцу Паши...

...болит уже головка, режет уже, надо слюной... вот так смажь...

...Павлушка, родной мой! – Юра хлещет Пашу по щекам. – Не уходи! Что же ты наделал, Паша?! Ведь я же говорил тебе! – вытирает рукавом пот, хлещет по щекам. – Ведь у меня никого, никого нет роднее тебя! Что же я наделал, сука?! – трясет Пашу за грудки...

...Павлушка, не спи, не спи, мой Чунга-Чанга, тебя Африка ждет. Сто лет она тебе была нужна?! Пропави она пропадом! Я ведь не знал, что тебе и этого хватит. Я же как себе, Паша. Скажи что-нибудь. Не-ет уж, Паша, я тебя никому не отдам! – хлещет его по щекам. – Прости меня, Паша. До свадьбы заживет. Мы с тобой вместе в Киргизию поедem. Паша, не уходи. Паша, не уходи. Паша! Не уходи! Думаешь, ему жалко было Пашу? Нет, конечно, это он для тебя уже играл своё страдание, это он уже для тебя плачет. Прости меня, Паша. До свадьбы заживет. Мы с тобой вместе... Трус ебанный.

– Паша, прости меня!

Лицо так скривилось, сухая волна... как же я сегодня хотел пить, когда из метро вышел...

...не-а, может, хватит уже его мучить, все равно о другом думаешь...

.....

...группа крови на рукаве, мой... порядковый номер на рукаве.

Анварок, а ты Цоя можешь сыграть?

.....

Визг и вой лифта.

Шум лифта. Удар дверей. Визг и вой двигателя.

.....

Большая черная сумка «Marlboro». Паша в ней, сложенный пополам, Юра запикивает дальше вглубь его голую ступню.

– Бабай, на Казанский понесём, он же на Казанский приехал... на вокзале ты один будешь, я не могу, у меня морда уголовная, заберут... ты выбери людей, так попроще...

...граждане провожающие, проверьте, не остались ли у вас билеты отъезжающих пассажиров... носильщик Аникеев, пройдите на шестой участок, носильщик Аникеев... залитое сиреневым искусственным светом пространство, мужчина с женщиной у стены... из темноты Анвар с большой черной сумкой «Marlboro»...

– Извините, вы не могли бы за сумкой присмотреть, я сейчас, сигареты забыл купить... да? Хорошо, спасибо вам...

...и все, Бабай, сразу уходи... да, я тебе денег должен... с деньгами напряг, извини, можешь мои журналы взять «Прически самой», будешь в электричке торговать, я тебе еще текст дам для торговли, заучить надо... И скажи: меня Женя Седой крышует.

...нет, не кончишь... вот я и проводил тебя, Паша...

...здесь на Тайнинскую хохлам маковую соломку привезли, не хочешь поторговать... нет, я сам буду, и буду тебе по сто тысяч каждый день отдавать, иначе не смогу... понял?

Понял, что ж тут непонятного.

...ла-адно, все еще будет хорошо... да-да, точно – завтра к Полине поеду.....начну журналами в электричке торговать, «I laer's how», квартиру сниму...

...а как она пригласила тебя в театр, так странно было, и

я ждал ее. Такой теплый свет лежал на жестяных крышах, неслышно проплывали машины, и пахло уже осенью, как будто сгорело что-то драгоценное, с холодным горьким ароматом и ушло тонкой струйкой в синее небо, и так было тепло и приятно, как будто весь мир с этими домами, деревьями, трамваями – это все твоя кожа. Так было жалко ее тогда и себя тоже. Возвращался от неё ночью. Мне было грустно и в то же время радостно и светло. Душа вздрагивала, как будто Полина что-то хорошее сделала для меня, вселила надежду на что-то лучшее и вечное, что когда-нибудь все-таки сбудется. Я стоял у шлагбаума на переезде, пронесся столб прожектора, и мне показалось, что поезд прокричал сиреной именно для меня.

.....

Светлые глаза. Длинные губы.

...ТЕФАЛЬ – ты всегда думаешь...

.....

Удар дверей. Визг и вой двигателя.

Удар дверей. Визг и вой двигателя.

Удар дверей. Визг и вой.

Удар дверей. Визг и вой двигателя.

Шум лифта.

.....

...здравствуй, Полин, это я, я вернулся, как же мне ей завтра сказать все.....что это... как темно... лифт... это ты на чердаке... чердак... а-а...

...убери эту руку... чья-то рука... это твоя рука... надо же, как затекла... её поднимаешь, а она падает... ...жмет как... встал, бля... ага... ремень расстегни... когда не нужно... голодный уставший, а этот стоит... светает, что ли... бок себе отморозил... ага... все... лифт этот заебал... как бы почки не...

...как нога затекла... подожди не распрямляй... не шевелись... голову пиджаком накрой, так ноги замерзнут... на ноги плащ... а... плащ-то упал...

Я спал на нарах, у бабушки во дворе, лицо Асель висело на яблоне, подмигивало и подзывало меня к себе, я знал, что все остальное у нее голое. Она дала мне закурить, у меня зачесался нос, на кончике вскочила шишечка и как-то тяжелила меня. Потом она ушла на дискотеку, светило в ночи ее го-

лое тело. Я случайно глянул в зеркало и увидел у себя на носу блестящий член с большой шляпкой, похожий на грибок. Я удивился. Потом вернулась Асель с подругой. Асель была равнодушна ко мне, но я видел, что она отдала подруге свое тело. Я застилал постель. Асель равнодушно ушла. Ее подружка что-то спрашивала и терлась о мое плечо большой и полой Аселькиной грудью, она звала меня куда-то всем Аселькиным телом – мягким, сухим, теплым и податливым. Я пошел.

.....

Маша, Маша, а мы в каком вагоне...

...Анварок, ты пива...

...носильщик Аникеев, пройдите на второй участок... у меня морда уголовная...

.....

...блядь, мы же Пашу расчленили!

Таганка, все ночи полные огня...
... Извините, я вам не помешаю? ... за-
чем стужила ты меня. Ух! Ну и чир-
на улице! Дай, погрею. У-у, якиш. У-у,
якиш. Уши у тебя теплые, Паш.
Значит, ты дурак! Как еврейка могла
такого дурака полюбить?
На черных чуть не парился возле
комков... ассирийца, бля, черные...
...Бабай, ты че сидишь, как будто
человека съел?
— А? Да так, Юрок, дремлю...
голодный был, перешил...
— Анвар, он все уши мне своей
Алиночкой прожужжал. А-алиночка,
А-алиночка моя. Пивко попивают,
богачи, хули... Ты, эмигрант, дверь
закрой!
— Пришел, бля, командир! Да,
Анварок?

- ...Вот оно — забвение. Забвение
мое! Та-аганка... у эти изнты, давить
их...
...Так, из чайника из носика никто не
шел? Смотрите мне! Та-аганка, все
ночи... Все ночи полные огня...
черножопые, бля... У-у эти изнты,
слоны... лоси, бля...

Юра. Коричневая куртка. Лоснится.
Красные руки. Брюки отвисли на
коленях. Засаленные. Стоптаные
мокасины.
Сжимает ладонями голову Паши,
трёт.

Банка пива. «Белый медведь».
Проявляется лицо Юры. Мельзнула
рука.

Неподвижный рисунок обоев.

Паша. Закрывает дверь на защелку.
Юра растягивает брюки, сует руку в
пах.
Достает пузырек из-под пенициллина
и маленький темно-коричневый
квадратик чека в целлофане. Скрежет
ножом чек. Законченный ковш.
Ставит его на плитку. Полка, книги.
Достал одноразовый шприц. Ватку
наматал на иглу. Набирает воду из
чайника.

Снимает ковш с плитки. Покачивает
его в руке.

Юрка. Юрка поет.
Замерз, видать? Ходит на
полусогнутых, как горилла.
Большая у него нога...
Они же дружили когда-то. На
стройке, наверное, так грелись?

Непавидит черных... кавказца
Это он тебе говорит, Анвар.
Группа крови на рукаве, мой
порядковый номер на рукаве... если
закрывать глаза, будет тошнить, да,
улетаю... тошнит... пожелай мне удачи
в бою, пожела-а-ай мне-е-е...
Он что, и член, что ли, себе
отморозил? А-а, ясно, спрятал...

Изнты какие-то, кто такие...
...я-асно — процесс у него пошёл... в
туалет, что ли, сходить, если встану —
стошнит, надо стошнить в туалете...

Аж дыхание застоп... Чай, что ли,
будет пить?

— У-у-у, б-б-б! Я ебу в рот такую
жизнь! Анвар, бля, хватит пальцами
барабанить... мне по мозгам!
...м-м-м-м-м...
...Поймал-а-ал... Все, Анвар. Молодец.
Ма-ла-дец, Анварка!
Ф-фу-у-ух...ха-ха...а-ахх

... еще и на утро хватит

— Нормально?
— Угуи, Бабай, спасибо тебе...

Что, ..аша?
...а-а-а... ша-ша...хм...

— Да на, Паша, на! Что же ты ебал
мурочку? Я же знаю. Знал. На,
возьми, я же говори-ил попросишь...
— Спасибо, Юрок! Спасибо тебе!
...Спасибо, Юрок.

... Спасибо тебе, ох...

— Ты че там прячешь, Паш, а?

Юра поднимает кулак со шприцем.
Трясет им в воздухе

Закручивает полотенце. Вводит иглу.
Колену трясется. Замер.

Глубоко вздыхает. Дыхание
срывается.
Почесывает горло. Медленно.
Почесывает щеку. Медленно
Смотрит на шприц.
Почесывает пазуху.

Моя рука трогает Юру за плечо.
Почесывает скулу.
Медленно достает сигареты,
закуривает. Смотрит, прикурившись
за мою спину, ухмыляется.

Шприц. Юра протягивает мне шприц.

Паша сзади меня выхватывает из рук
Юры шприц.
В угол отбежал. Занавеска. Косо
мельнуло в темноте лицо. Черные
глаза.
Присел, согнулся, ищет с девои

там... та-да-дам-там-там...
..а я что, пальцами барабанил...
даже не заметил...
Так скорчился весь, как будто ...
Что это?... как просто...
...как же все это обычно, и не страшно
совсем, а главное, как все просто.
Хорошо, выдать ему, как будто
проглотил что-то большое и такое
приятное. Так — А-а-аи! Фу, аж ты
сам расслабился. Он аж осветился
весь. Паша смеется так... нервничает,
очи снял...

Что? Куда он там смотрит?
Там Паша за твоей спиной... что? Что
он там... че он там де...
Что — на? Зачем он мне? Я что...иди
ты, бля, я не буду... Это он не тебе.
А, это он Паше шприц ...на, выброси,
мол, что ли?...
Какая белая кожа... Что это он?

Что он, в карман, что ли, прячет?!
Че он там... приколист какой-то...
Какие красивые уши.
Пустой шприц.

-...Ох... спа-а-а-сибо тттббббе...хн-хн...
...хн-хн-хн...

— Ты чего, Паша? Юр, пиздец...

-Ладно, Бабай, ты не кипишуй.

— Что, Бабай, сплехело?

— Аха, пиздец просто, Юр... две банки на голодный желудок...

— А ведь я, Юр, чего вернулся-то...

— А-а. Бабай... а правда, говорят, что Чубайс цветами на вокзале торговал? Скоро пойду на Киевский лотерей торговать. Постояю, зубы вставлю. А потом поеду в Киргизию лечиться. У доктора этого... н-некролога. Потом книгу стихов выпущу. Это будет гениальная... А-ай, бялды!... книга о любви, бялды.

— Не знаю, Юр, не знаю... тебе бывает страшно просто так?

— Ты знаешь, что у меня после того, как ширусь, хуй не стоит? Вот такой вот. Сколько раз бывало... уколемся и девчонке... сколько их подсаживается на это дело... Юрок-Юрок... и вот

стороны, скрючился, ткнул ...
надвинулся... качается.

Медленно качается. Смеется.
Большие красные уши. Я стою над
Пашей.

Туалет. В унитазе пиво с орешками, с губы тянется липкое. Раковина. Чье-то лицо мелькнуло впереди.

Юра. Курит. Показывает.
Почесывается.
Паша. Голова на столе.
Юра вздрогнул. Обводит взглядом
Я. Опустил голову. Сняжу. Пальцы
сцеплены.
Закуривает. "LM". Выпускает дым.

Дернул рукой. Сигарета. Пальцы обжог.

Показывает согнутый палец.

Это пиздец бля, какой-то! Это же он себе... вколол... всю дозу!

Это твоё лицо в осколке зеркала.
Моё?! А там почему ничего? ...там
зеркала нет.
Тепло в комнате.
Спит, что ли?
Какой мягкий добрый взгляд.

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там...

Что? ... Обжегся он... Что
гениальная? ... а-а, книга. Не будет уже
ничего, Юра... какие деньги, что с него
взять, сам дурак, что одолжил...

она... ей еще больше хочется...
разденемся, она и так и эдак, а у меня
вот так вот и все... сколько раз
бывало.

А я заметил. Заметил, что ты тоже заметила, что я это. Что я с онем, как с женщиной. Это я все из-за этого нетра. А-а-алиночка моя, моя Алиночка. Но я одно дело повел, Анвар. Бог даст мужчине женщину, и больше ничего. Больше в этом мире нет ничего! И даже если у мужчины нет женщины — ты видишь, где он ее прячет. Когда зайдешь к мужчине, сразу видишь, где он прячет женщину — в шкафу, в ящике стола, под кроватью, в кошельке — и ты ее найдешь! Она может маскироваться под рукописи, под молоток, под оружие, она может тихо сидеть в скринке, где уютно. Другого не дано! Просто не дано, понял меня, Анвар. Моя женщина прячется здесь... Выпиши, какая маленькая? После нее у меня даже не стоит. Это ревность... Ковария проститутка! Погуляла ты меня! Его женщина... думаю, в Африке, а может, и еще где, я пока не знаю, где он ее прячет, а может вообще нет, зачем таким женщина...
— Орок, че та не пришла...

Показывает согнутый палец.

...резко двигает телом, наклоняется,
ИЩЕТ...

Ишет. Шприц. Показывает на шприц.

Пана.

Паша.

Сморщенный член. Женская рука на нём. Сморщенный член.

Блестит в темноте плоскость спины,
изгиб бедра. Юра лежит.
Сморщенный член.

...та-да-дам-тэм-тэм... та-да-дам- ...та-
да-дам-тэм-тэм... та-да-дам-там-тэм...
та-да-дам-тэм-тэм...

...та-да-дам-там-там... та-да-дам-там-там... та-ла-лам-там-там...

... а твоя, где прячется твоя женщина,
Анвар... где ты...

...лицз... девүшки... лицз...

...не слышит..

— Ты гля, гля на него! Нет прихода!
Да ты в зеркало на себя посмотри.
Смотри, какая у тебя морда красная.
А? Скажи, Бабай? Ты гля, гля — че та
пет прихода. Скажи ему, Бабай!
— Да, классная, то есть красная.
— Да? Анварок, это ты... вот, а, хм?...
— А твоя женщина, Анвар... смотрю на
тебя и, честно говоря, не знаю, не
знаю, не понял я тебя... ници, если
пайдець — скажешь мне, я запишу...
Тага-анка, все ночи полные огня. Тага-
а-анка, зачем стубила ты меня... Ей,
Чуинга-Чанга, ты что там потерял?
...опять по питинцам... Э-ей, эмигра...

Анвар! Быстро ложку! Он уже язык
проглотил!

Юра. Обиженное лицо.

Паша. Подвиг голову. Смотрит. Не
узнает. Ощупывает лицо. Смотрит на
ладони. Ощупывает.

Паша. Нагнулся. Гладит пол под
столом. Кричит. Слюна. Сидюнул.
Юра. Смеется. Смотрит. Подходит к
Паше.
Нагнулся. Рассматривает. Пинает
ногой стол. Паша падает.
Вытягивается на полу.

... как же Юра испугался, странно...
испугался... мол, хороший наркотик,
хороший...
как будто мы его обвиним...
Точно красная, Паш... Юр...

Как будто оно чужое... как будто от
этой херни его жизнь зависит... вот и
придет он теперь такой в Африку?
Какого же хуя?!
Ебанный ты, Юрий Дмитрич
Разбродных...
Что-то ницет. Окурок... закурить, что
ли? Что он там потерял, может,
деньги какие упали?... пьяные всегда
боятся потерять... та-дам-там-там... та-
дам-там-там...
... группа крови на рукаве, мой
порядковый номер на рукаве...

Надо же, как запади глаза. Как в ямах каких-то, как из синих труб. Сегодня же день седьмого ноября, красный день календаря.

— Ложку давай! Передоза у него! Павлушка, Павлик, не спи!

«Что?... Зачем он бьет его?»

Удар створок.
Визг в вой лифта.

— Че стоишь?! Булавку, булавку давай!
— Где я ее тебе возьму?! Не ори на меня!
— Там, там, в столе у меня, больша!
Юра обжигает булавку зажималкой, свет в рот Паше.
— Ты че делаешь?
— Язык надо к губе пристегнуть. Он же задохнется! Тулая, не прокалывает!
"Ноль два... ноль три?"
— Скорую, скорую же надо!
— Какую скорую, блядь?! Меня же за притон посадят! И тебя тоже, и его тоже!
Ты не с-сы, Анвар, знаешь сколькож я вот так с того света, с передозы вытаскил?!
Снимай ботинки с него! — выламывает, выкручивает пальцы Паше. — Павлик, не спи. Слышишь? Ты не заснешь у меня! Ботинки...
... и вот я — лежу один, в двух пиджаках, накрывшись плащом на холодном черном чердаке, и дрожу, чтобы хоть как-то успокоиться, как-то удержаться в этой жилях, а он даже не стоит, и я его совсем замучил... выше чердака уже некуда мне подниматься...
...не-а, интересно, что правая рука горячая, а левая холодная, хм...
Кто там ездит так поздно, пьяные, что ли, катаются?!
— Павлик, не спи! — Юра крутит уши Паше. — Хуй ты у меня заснешь! Хуй ты у меня заснешь!

Приближающийся

...група крови
на рукаве, мой
порядковый
номер на
рукаве,
пожелай мне
удачи в бою
...номер на
рукаве,
пожелай мне

шум лифта.
Удар дверей.

— Снял!
— Выламывай у него пальцы на ногах. Можешь даже слегка зажималкой. Он не должен заснуть. Если он заснет, он умрет!... все, Бабай, теперь до утра не уснем, потаскали его в туалет, отнимать будем, — высказывает и выглядывает в коридор.
— Никого. Давай быстро! Берись!...
...устал уже от этой песни... откуда она привязалась? ...это же Паша пел — группа крови на рукаве... не пой её больше... не петь!
Анвар подползает к Паше. Прижав ухо к груди, слушает его сердце. Потом прижимает ладонь к своему сердцу, потом к сердцу Паше. Потом одну ладонь к своему сердцу, другую к сердцу Паше...
...болит уже головка, режет уже, надо сплоской... вот так смажь...
...Павлушка, родной мой! — Юра хлещет Пашу по щекам. — Не уходи! Что же ты наделал, Паша?! Ведь я же говорил тебе! — вытирает рукавом пот, хлещет по щекам. — Ведь у меня никого, никого нет роднее тебя! Что же я наделал, сука?! — трясет Пашу за грудки...
... Павлушка, не спи, не спи, мой Чунга-Чанга, тебя Африка ждет. Сто лет она тебе была нужна?! Пропала она пропадом! Я ведь не знал, что тебе и этого хватит. Я же как себе, Паша. Скажи что-нибудь. Не-ет уж, Паша, я тебя никому не отдам! — хлещет его по щекам. — Прости меня, Паша. До свадьбы заживет. Мы с тобой вместе в Киргизию поедим. Паша, не уходи. Паша, не уходи. Паша! Не уходи! Думаешь, ему жалко было Пашу? Нет, конечно, это он для тебя уже играл свою страдания, это он уже для тебя плачет. Прости меня, Паша. До свадьбы заживет. Мы с тобой вместе... Трус сбавный.
— Паша, прости меня!
Лицо так скривилось, сухая волна... как же я сегодня хотел пить, когда из метро вышел...
... не-а, может, хватит уже его мучить, все равно о другом думаешь...

Визг в вой
лифта.

удачи в бою...
...група крови
на рукаве,
мой...

порядковый
номер на
рукаве

Анварок, а ты
Поя можешь
сыграть?

Вил и вой
лифта.

Шум лифта.
Удар дверей.
Вил и вой
двигателя.

Большая черная сумка «Marlboro». Паша в ней, сложенный пополам, Юра захихивает дальше вглубь его голую ступню.

— Бабай, на Казанский поедем, он же на Казанский приехал... на вокзале ты один будешь, я не могу, у меня морда уголовная, заберут... ты выбери людей, так попроще...

... граждане провожающие, проверьте, не остались ли у вас билеты отъезжающих пассажиров... носильщик Анисеев, пройдите на шестой участок, носильщик Анисеев... заднее сиреневым искусственным светом пространство, мужчина с женщиной у стены... из темноты Анвар с большой черной сумкой "Marlboro"... — Извините, вы не могли бы за сумкой присмотреть, я сейчас, сигареты забыл купить... да? Хорошо, спасибо вам...

... и все. Бабай, сразу уходи... да, я тебе денег должен... с деньгами напряг, извини, можешь мои журналы взять? «Прически самой», будешь в электричке торговать, я тебе еще текст дам для торговли, заучить надо... И скажи: меня Женя Селой крышует.

... нет, не кончишь... вот я и проводил тебя, Паша...

... здесь на Тайнинскую хохлам маковую соломку привезли, не хочешь поторговать... нет, я сам буду, и буду тебе по сто тысяч каждый день отдавать, иначе не смогу... понял?

Понял, что ж тут непонятного.

... да-а-но, все еще будет хорошо... да-да, точно — завтра к Полине поеду...

...пачку журналами в электричке торговать, «Nacг's how», квартиру сниму...

... а как она пригласила тебя в театр, так странно было, и я ждал ее. Такой теплый свет лежал на жестяных крышах, неслышно проливали машины, и пахло уже осенью, как будто стореда что-то драгоценное, с холодным горьким ароматом и ушло тонкой струйкой в спящее небо, и так было тепло и приятно, как будто весь мир с этими домами, деревьями, трамваями — это все твоя кожа. Так было жалко ее тогда и себя тоже. Возвращался от нее ночью. Мне было

Светлые глаза.
Длинные губы.

...ТЕФАЛЬ —
ты всегда
думаешь...

грустно и в то же время радостно и светло. Душа вздрагивала, как будто Полина что-то хорошее сделала для меня, вселила надежду на что-то лучшее и вечное, что когда-нибудь все-таки собудется. Я стоял у шлагбаума на переезде, пропелся столб прожектора, и мне показалось, что поезд прокричал сиреной именно для меня.

...здравствуй, Полин, это я, я вернусь, как же мне ей завтра сказать все...

...что это... как темно... лифт... это ты на чердаке... чердак... а-а...

...убери эту руку... чья-то рука... это твоя рука... надо же, как затекла... её

поднимаешь, а она падает... жмет как... встал, бля... ага... ремень

расстегнул... когда не пужно... голодный уставший, а этот стоит... светает, что

ли... бою себе отморозил... ага... все... лифт этот засбал... как бы почки не...

... как нога затекла... подожди не распрямляй... не шевелись... голову

ниджаком накрой, так ноги замерзнут... на ноги плащ... а... плащ-то упал...

Я свал на парках, у бабушки во дворе, лицо Асель висело на яблоне, подмигивало

и подзывало меня к себе, я знал, что все остальное у нее голое. Она дала мне

закурить, у меня зачесался нос, на кончике всколыхнула шишечка и как-то тяжела

меня. Потом она ушла на дискотеку, светило в ночи ее голое тело. Я случайно

глянул в зеркало и увидел у себя на носу блестящий член с большой шляшкой,

похожий на грибок. Я удивился. Потом вернулась Асель с подружкой. Асель была

равнодушна ко мне, но я видел, что она отдала подружке свое тело. Я застилал

постель. Асель равнодушно ушла. Ее подружка что-то спрашивала и терлась о мое

плечо большой и полной Асельиной грудью, она звала меня куда-то всем

Аселькиным телом — мяским, сухим, теплым и податливым. Я пошел.

Маша, Маша,
а мы в каком
вагоне...

... Анварок, ты
пни...

...посильщик
Анхесев,
пройдите на
второй
участок... у
меня морда
уголовная...

Удар дверей.
Визг и вой
двигателя.

Удар дверей.
Визг и вой
двигателя.

Удар дверей.
Визг и вой.

Удар дверей.
Визг и вой
двигателя.

Шум лифта.

... блядь, мы же Пану расчленили!

Два

...ту-ду-дум-тум-тум...

...ту-ду-дум-тум...

.....

...Лишь бы Полинка была дома, ух как я ее стисну...

...так, блин, ручка, что ли, не пишет... паста кончается...

(Пьян, еду в метро к Полине Д., за куском пизды, в ночь 8 ноября 1996 года, то есть хрен знает куда.)

.....

...ту-ду-дум-тум-
тум...
...ту-ду-дум-

... Лишь бы Полинка была дома, ух как я ее стисну...
...так, блин, ручка, что ли, не пишет... паста кончается...
(Пьян, еду в метро к Полине Д., за куском пизды, в ночь
8 ноября 1996 года, то есть хрен знает куда.)

Какие-то арабы испуганно пили пиво у метро. Старик бомж топтал жестяные банки от пива и кока-колы и складывал в холщовый рюкзак. Торговка пересчитывала выручку и дула на замерзшие пальцы.

Сел в светящийся в ночи трамвай, но тот так медленно ехал, что вышел на следующей остановке и побежал. Искусственный свет из киоска в темноте. Купил бутылку «Хванч-кары», печенье, рулет. Пошутил с продавщицей, ему было так радостно, он задыхался в предощущении встречи. Мелькнул, будто маленькая игрушка, Донской монастырь, и вдруг вновь вспыхнула в ночи эта голая лампочка над входом, проскользила знакомая вывеска «Общежитие Текстильной Академии имени Косыгина». И так сжалась душа, такое странное это возвращение в московскую осень, будто он начал жить назад, а не вперед.

Поднялся по бетонной лестнице на четвертый этаж и сначала пошел в туалет. Сложил покупки на холодный подоконник, помочился.

– Ну что, брат? – сказал он ему. – Радуйся, сегодня я тебя погрею в одном теплом кармашке.

Только бы она была дома, только бы она была дома, только бы она была.

Дверь ее комнаты была закрыта. Записка в двери: «Полина, срочно заходи. Маша! P.S. У меня трагедия».

Прошла какая-то девушка в яркой и необычной самодельной одежде, как и все здесь. Он открыл было рот, но так и не решился спросить про Полину. Смотрел на девушку. «Её, что ли, выебать, – подумал он в отчаянии и усмехнулся. – А ведь запросто вместо Полины могла эта оказаться. А может быть, это она и есть, только замаскировалась каким-то

необычным образом, узнала меня уже, но не подает вида, хитро ждет, когда я сам к ней пристану, засмеюсь и скажу, что узнал, даже в другой женской оболочке, почувствовал ее сущность». Подождал. Покурил «Союз-Аполлон». Пустое холодное окно в конце коридора, пустой коридор и пусто за поворотом коридора, пусто на кухне, тишина за хлипкими фанерными дверьми с номерами.

Тяжелым квадратом встала в нем пустота и тоска. И когда он уже собрался покатить это все вниз по лестнице, уже стоял боком, открылась дальняя дверь и из неё со своим глубоким, каким-то рычащим смехом вышла Полина и с ней другая девушка.

– Это ты?! – сказала она и резко остановилась.

Он увидел, как вздрогнуло ее тело под длинным просторным мешком платья.

– Я думал, что я тебя убью, – сказал он. – Если б тебя не было, я б тебя убил.

– Вот все вы меня хотите убить!

Он почувствовал ее недовольство, и еще какую-то досаду и равнодушие, а он ждал, что она засмеется этим своим смехом.

– Ну пошли, – сказала она ему.

– Полина?! – Девушка укоризненно посмотрела, что-то особое сообщая или спрашивая у нее глазами.

– Ну что делать, мать, ладно, ты иди.

Темнота комнаты, этот ее запах.

– А ты чего, как? В командировку, по делам?

Тот же рисунок на стене – окно электрички, длинный, замерзший интеллигент в шляпе, поджал под себя длинные ноги, на коленях портфель, обеими руками держится за ручку.

– Полинка, я уже устал всем рассказывать, – засмеялся он. – Развелся, короче говоря, и вот вернулся.

У нее изменилось лицо, он увидел, что она подсознательно, из женской солидарности осуждает его.

И он вдруг почувствовал, как фальшив его смех, эта легкость в голосе и лицо его замерло и открылось, но он не мог заплакать здесь, это тоже было бы смешно, и он, пряча лицо, обхватил ее сбоку, прижался и сморщился от боли.

Она повернулась к нему, поспешно обняла, привстав на цыпочки. Он узнал вкус ее слюны, и по этой её поспешности, по твердости ее тела, обычно мягкого, податливого, по вялым губам, понял, что она его совсем не ждала.

– А я писем от тебя жду.

– А я вот сам.

– Что делать-то теперь будешь?

– Да у меня здесь, у моих знакомых ребят, подпольная коптильня есть. Рыбные дела буду разруливать, не пропаду, в общем.

– А-а, ясно.

– Но мне кажется, что там не рыба, а наркотики, – он засмеялся.

– А-а, ясно. Ты знаешь, Анвар, так не вовремя все, на са-

мом деле, сегодня Игорь прилетает ночью.

У него сжалось все в душе.

Тот же плакат Гребенщикова на окне, и у маленького за-
решеченного окна такой вид, будто за ним военный завод
или тюрьма.

– Скоро диплом защищаем, хочешь посмотреть, вот мой
диплом.

Он выпуклыми глазами уставился на возникшие в ее ру-
ках изящные туфельки под старину, в сафьяновой какой-то
отделке.

– Ни фига себе, сама, что ли, делала?

– Туфли нет, здесь только сам дизайн мой...

Во сколько приезжает Игорь... уже ночь на дворе... если
я усажу ее на колени, то она это...

– ...и сам материал и обтяжка моя тоже.

– А Игорь куда улетал?

– В Швецию. Там какая-то конференция биофизиков.

Он почувствовал гордость в ее голосе. И радость за род-
ного человека.

– Ничего себе. Ну, давай, что ли, выпьем немного, и я пой-
ду.

– Да-авай, – легко махнула она рукой.

И он какое-то насмешливое отчаяние увидел в этом ее же-
сте.

– Спасибо тебе за рулетик, мы голодные с Машулькой. А
я у Машки была. Помнишь Машку?

– Помню.

Твердо стукнули о стол саморучно разрисованные глиняные кружки.

– У нее трагедия, как всегда, – она засмеялась своим смехом. – Машулька.

Он сел на стул в тесноту между тумбочкой и столом, затылку мешала приделанная к стене лампа, грела его, он вспомнил ее.

– ...что взять с фанатки Кортасара...

Он слышал только отрывочные слова.

– ...то всем нужна эта странная девушка Полина, – засмеялась она.

У нее, конечно, был очень женский смех. Грудной, горловой, всегда такой.

Ему приятно было ее суетливое движение, она как бы оправдывалась, хотя ни в чем не была виновата. «Это женское тело, – думал он. – Со мной рядом женское тело».

Та же пепельница – сапог «Скорород», те же советские деревянные кровати, шкаф перегородка.

«Это женское тело».

Он узнавал ее полные бедра, ее удлиненный тяжелый зад с ямками по бокам, ее маленькие груди, как всегда у таких полных девушек с пышными бедрами, ее нежную, коротко и трогательно торчащую из круглого выреза шею, каре ее волос. Его ладонь вздрогнула, и сама вспомнила выпуклость лобка Полины, мягкость губ, жесткость волос, всё-всё.

Вспомнил, как они прощались у турникетов метро «Чистые пруды», и он, угадав сквозь рубашку ее соски, сжал их на виду у всех пальцами, чуть потянул и стиснул изо всей силы. Она вскрикнула, на глазах выступили слезы, и он чувствовал, что ей очень больно и очень приятно, и она благодарна ему.

Когда она уже хотела присесть рядом с ним, он оттолкнул стул ногою, уронил её на свои колени и, не давая опомниться, обхватил ладонью маленькую грудь, надавил, почувствовав пальцами косточку, а другой рукой зачерпнул между сжатых ног, стиснул, ощущая полноту, мякоть и подтянул ее вверх, прижал к себе. Она обмякла, и сразу отяжелели ее полные, холодные ляжки на его коленях...

...нет, конечно, он так не сделал. Он сидел, сгорбившись, как на вокзале и мелкими глотками прихлебывал вино, не чувствуя вкуса. Она подперла подбородок ладонями и посмотрела на него, он вздохнул, теряясь, что сказать, снова вздохнул, хмыкнул, поёрзал на заскрипевшем стуле, нагнувшись, проверяя болтик крепления, снова поёрзал.

– Нормально, держится, – хрипло прошептал он и скашлинул, глаза его округлились, их резало по краям век, это стали какие-то не его глаза. И лицо стало не его, каким-то калмыцким.

Она быстро хлебнула вина, пролила, быстро вытерла губы ладонью, потом встала за тряпкой, замешкалась и присела на его колени, обняла за шею. Пряди ее волос были гладкие и

холодные.

– Хм, так странно, – сказал он. – У меня одна рука холодная, а другая горячая.

Он почувствовал, что она уже давно возбуждена, что он появился ровно в тот момент, когда она возбудилась в ожидании Игоря, но уже устала его ждать. Он целовал, и бережно, сильно гладил ее, она вытянулась и вздрогнула, ей всегда нужно было совсем немного.

Потом она резко сдернула покрывало с кровати.

– Ай, укололась, бли-ин, лишь бы не иголка, черт с ней, потом найду.

– Я сейчас, – сказал он и быстро выскользнул в коридор, чуть-чуть только приоткрывая дверь, чтобы никто оттуда не увидел ее обнаженного белого тела.

Он помочился. Постоял, глядя на отражение светлого коридора в черном окне.

– Анвар, – хриплым шепотом сказал он в бетонную пустоту. – Это я ведь, стою где-то, сейчас пойду куда-то. Пойду.

Он так же проскользнул в полумрак комнаты. Её белое лицо из-под одеяла. Шнурок как всегда завязался узлом, и он просто стянул с ноги ботинок, другой. Холодный пол. Потом, стесняясь ее, с трудом соскрёб брюки сразу вместе с подштанниками и почувствовал, как холодно в комнате. Он сидел голый на стуле, смотрел на мрачный советский шкаф, на убогую кровать, на вещи, лежащие в некрасивых позах, и не понимал, что он здесь делает и зачем нужно продолжать де-

лать что-то дальше.

Склонился голый над нею, она откинула край одеяла, и его толкнул в ноздри нагретый запах её тела, какой-то родной запах, очень родной, но не для него. Не ему был родственен этот особый глубокий запах женского тела. Наверное, где-то в небе уже летел мужчина с обонянием, влюбленным именно в этот, немного неприятный запах женщины, что лежала сейчас перед ним, откинув край одеяла, и открыв всё своё тело.

Он приник, прижался к ее мягкой, сырой плоти, смущаясь своего сморщенного члена с холодным кончиком. Её зад и ляжки были холодные, а шея и грудь теплые.

– Замёрз совсем, ой, какие ноги холодные, как льдышки, дай погрею.

– Мне мама так грела в детстве своими ногами.

– Ой, мне тут щекотно.

– Под коленками?

– Ага.

– А под мышками?

– Хм, – по-взрослому хмыкнула она и скосила на него глаза.

Он сжимал, массировал ее горло, чувствуя под ладонью прыгающий кадычок, потом гладил ее девчоночьи груди и между грудей, соединял соски пальцами, ждал, когда начнут сокращаться мышцы ее живота, как это всегда у нее, пона-

чалу ему казалось, что она смеётся над ним. Потом кругами гладил ее большой, выпирающий лобок, двигал пальцем по сухим, жестко свивающимся волосам, пока он не проскользнул в неожиданно горячую и округло податливую влагу.

Она дернула головой, напряженно замерла и покорно и беспомощно заблестела на него глазами, а потом, как в припадке, так мощно «засмеялась» животом, что, казалось, нужно ее сдерживать.

Лёжа на ней, ему всегда приятно было чувствовать, как высоко над кроватью поднимает его ее большое мягкое тело.

Он сжал ее запястья, раздвинул руки, вытягивая ее, и все шире разделяя толчками бедер ее круглые полные колени. Он все крепче вдавливался в широкую и мягкую подушечку ее лобка и уже чувствовал липко раскрывающиеся обжигающие лепестки и капельки. Он всё делал правильно, все так, как всегда любило и хотело ее тело. Он изогнул шею и посмотрел на складки, которые образовывали ее поднятые ляжки, как он всегда любил. Он снова сжимал ее шею, измерял ладонью расстояние между сосками, снова колыхался и «смеялся» под ним её живот, она повела, двинула бедрами, призывно помогая ему, он вжимался, двигался кругами, раздвигая губки, чувствуя хруст ее волос... и все его движения становились тяжелыми, ненужными, бессмысленными и автоматическими.

– Прости, прости, – шептал он, с бессмысленной силой прижимаясь к ней, не переставая двигаться, и чувствуя обид-

ную невесомую пустоту между ног. – Прости меня, Паша.

Она «усмехнулась» животом и замерла.

– Так меня еще никто не называл.

Он приподнялся, поправил волосы у нее на лбу, убрал пряди с губ.

Упал на бок рядом с нею и ткнулся носом в плечо.

– Значит, так и надо было, – легко вздохнула она. – Нос тоже холодный.

Потом поддвинулась под него, бережно взяла мертвую ладонь с негнушимися пальцами, положила на бедро и «усмехнулась» животом.

Я ушёл от неё в четыре часа ночи. Она с облегчением отпустила меня. На улице было холодно, и я сильно мерз в легком плаще. Остановился помочиться и увидел в свете фонаря первые снежинки. Я так обрадовался им.

– За меня другие пра-поют ребята, за меня другие отдадут долги, – вдруг запел я.

Все казалось, меня кто-то окликает, я оборачивался и прислушивался.

Резкие порывы ветра, неожиданный и пугающе живой шорох листьев по краям тропинки, гул ветвей в парке под стенами монастыря.

Вдруг обнаружил себя вблизи метро. ВХОД. Двери замкнуты железными скобами. Развернулся и пошел куда глаза глядят. Поднялся к темной башенке на возвышенности и вдруг из резкого холода сразу переступил в тепло, это был

воздухозаборник метрополитена. Оказывается, под ним тепло. Обрадовался открытию. Долго стоял, грелся под теплыми волнами, курил, как будто волнуясь перед встречей. Потом пошел искать подъезд, но в этом районе везде были кодовые замки на дверях. Увидел кошку в окне. Она следила за мной с пустым интересом. Видно было, что ей тепло. Нашел совсем старый дом, поднялся почему-то на четвертый этаж, сел на ступеньки. Мне теперь легко, просторно и не обидно было в своем теле, и я был благодарен ей за сочувствие и щедрость, этой Полине Дон.

И всё это время я как будто видел себя, Анвара, со стороны, и не верил всему тому, что со мной. Это не я, а какой-то чужой, и сейчас не я, ведь у меня все хорошо, я правильный человек, я не мог вот так вот сидеть в чужом подъезде, тяжело забываться, ронять голову, впадать в бредовые видения, опять ронять голову, курить от нечего делать, выпускать пустой дым сквозь картонные губы, вздрагивать, быстро подниматься при малейшем шорохе, принимать скучающий вид и ждать света в окошке, когда откроется метро.

Прилег и услышал свои наручные часы, подумал, что вот и весь мой дом. Лежал, и по тому, как темнело и светлело в глазах, понял, что к ним приливает и отливает кровь.

4.35. Страшно было чувствовать, как долго тянется время.

Смешно, когда Аселька первый раз села сверху, она за-

мерла и сказала, надув губы: «Ну и что теперь, что дальше-то делать»?

– Двигаться, Аселька, как будто ты хочешь там найти что-то, например, дотянутся до чего-то, понять, что ли... смотри мне в глаза, не закрывай.

Так было неудобно с ней, ей было больно, она была тяжелой самой себя, неподвижная, все соединяла, непроизвольно сжимала ноги, с опаской прислушиваясь к тому, что в ней происходит, ей все мешало, щекотало, упиралось, кололо, и когда я кончил, она вздохнула с радостным облегчением.

– Так долго?! – сделала она какое-то свое открытие.

И вдруг сразу почувствовала себя взрослой женщиной Асель, осознала над тобой свою силу, с новой властной заботой стала все вытирать, высушивать, ласкать, с радостным бесстыдством рассматривать и поигрывать, присваивать с гордостью первооткрывателя, расспрашивать и шутить...

– Так все болит у меня... там, – со счастливым недовольством сказала она днем.

4.35

...никто, конечно, так не кончает, как Полина.

– Сейчас закричу, – предупреждает она. Но никогда не кричит громко, ей, наверное, только кажется, что она орёт.

Схватки такие сильные и длинные, что ему ощутимо больно внутри нее и кажется, что он очень большой, кажется, что и ты уже весь там, в этих упругих бесконечных жерновах.

Однажды, в момент такой радости, она своими руками раздвинула прутья решетки на спинке кровати и просунула голову.

И странно, что Полина рычала своим смехом, а Аселька горько плакала.

Но с ней это все произошло только спустя месяц наших взрослых отношений. Как-то случайно, наспех, на неудобном, не разложенном диване, в перерыве между чтением учебника и записью в тетради. Её тело вдруг стало легким и агрессивным, куда-то исчезли колени, локти, волосы, которые ты постоянно придавливал. Она вдруг вцепилась в меня с неожиданной силой, она ударялась и билась, она нечаянно нашла, наткнулась и уже дотягивалась, убегала куда-то мимо тебя, неистово стремясь к той бесконечно удаляющейся точке. Только теперь она начала понимать эту жалкую сладость взрослой женщины, эту вечную, невыразимую муку и дорожить ею, преданно благодарить и бессильно зависеть, презирать и снова покоряться ей. И от всего этого она умерла на мне, на моём плече умерла девочка с большой грудью, а потом уже горько зарыдала, и весь день молчала...

– Как же так, Асель? Как же так, а?! Пизда ты!

Так неожиданно, так горько и коротко она плакала, когда кончала... и тело моё всегда было на каком-то расстоянии, из-за ее больших грудей... и говорила, что любит меня... любимый, любимый мой... любимый два раза, потом – мама.

Ступени надо вытереть, вон картонка или газетка, плащ

испачкал.

4.36

Три

Темно. И саму электричку не видно, только ярко освещенные окна. Словно плоские платформы, а на них в ряд включенные телевизоры. И в одном из телевизоров, среди людских голов, я – немо открываю рот, пропадаю, снова появляюсь с журналом в руках, перехожу в другой телевизор, вот мелькнул еще в одном, машу журналом «Naer,s how» – «Прически самой», считаю деньги, сглатываю, смотрю на свое отражение в стекле, говорю, а сам думаю о другом, слушаю и пролетаю.

...не забудь про уникальную!.. ту-ду-дум-тум-тум.

«...вы также узнаете уникальную информацию: какие достоинства вашего лица подчеркивает та или иная прическа, а какие недостатки маскирует... вот хорошее слово – скрывает... вы узнаете, как легче сделать ту или иную... только сегодня, в рекламных целях, фирма идет на уступки».

– Анвар, – позвал я и не услышал собственного голоса. – А! А... Только минут через пять я понял, что стою на станции, что под ногами твердый асфальт платформы. Еще через какое-то время я услышал тишину, увидел черное звездное небо над головой и почувствовал, что очень холодно, даже ногам. «Только сегодня, в рекламных целях издательство идет на уступки... издательство надо было сказать, а не фирма».

Под фонарем посмотрел расписание, последняя электричка на Москву прошла в 23.48. Следующая только в 4.41. Почти пять часов. Потом доставал из карманов скомканные деньги. Журналов осталось мало, два или три. Однако на удивление прилично я заработал – моих было девяносто тысяч.

В одинокой машине у переезда грелся мужчина. Я постукивал в окно.

– До Москвы не подбросите?

– Двести.

– Что?

– Двести кусков!

– Двести тысяч рублей?!

– Ну не тугриков же!

Когда я уходил, он закурил. Потом завелся и уехал. Я тоже закурил.

– Да ты охренел, что ли, мужик?! Двести кусков!

Я даже не представлял, как идти, и проситься переночевать. Да и не пустят, конечно, я же похож на светлого чеченца. Конечно, не пустят.

«Ну, конечно, ты же в Алмату уехал, а у нее только Игорь остался... она была уставшая и поэтому неприязнь в голосе»!

Я засмеялся. Вспомнил и достал жевательную резинку. Внутри был смешной рисунок и надпись: «Любовь – это когда понимаешь... что материнство – не всегда блаженство».

И у меня захолонуло внутри. Я представил Полину беременной.

«Ну да! А потом, ты так вот взял и сказал: все, я теперь свободен! Мол, давай теперь вместе друг другу мозги трахать, так тебя понимать»?

– За меня другие пра-поют ребята, за меня другие отдадут долги.

Где-то далеко залаяли собаки, как в деревне. Я отошел помочиться. Зажимал пальцами плоть и грел головку и уретру горячей мочой. Потом спрыгнул на рельсы и забрался под платформу, сел на журналы, сжался в комок. Показалось, что здесь теплее.

«Да-а, красиво жить не запретишь, Степной барон, которую ночь уже не ночуешь дома, все гуляешь где-то, все гуляешь. Адом мой – чердак. Спина мерзнет».

Только теперь стал слышать свой внутренний голос. Только теперь вернулся в себя и протрезвел.

– А! А! – точно слышу.

Бесшумно, как сгусток ночи, выползла в круг фонарного света крыса, растворилась в темноте, потом проявилась в другом месте. Так двигается, будто она без костей, будто жидкая. И не боится. Тихо, пустынно, сыро и так тепло, как бывает только в Ялте, в ноябрьский день. В тёплом тумане мы спускались по улице Найденова, и далеко внизу я увидел серую заснеженную степь. Прошли еще немного вниз, и в степи появилась длинная баржа.

— А что этот корабль делает в степи?

— В какой степи? — словно очнувшись, спросил Серафимыч. — Где?

— Вон там.

— Это же море.

— Море, а я подумал, что это степь. А почему там снег?

— погоди, я ж слепой... это не снег, Анвар, это же барашки на волнах белые.

В Ялту мы приехали ночью, а утром я впервые в жизни увидел море.

Потом мы сидели на этой скамье в Гурзуфе. Вокруг не было ни души. Казалось, что мы сидели здесь вечно, как самые первые люди на земле. Море спокойно и тихо раздвигало даль. Солнце скрывалось за горы, и красные отсветы дрожали между морем и небом. Мы хорошо говорили о фантастичности вселенной и такой досадной краткости жизни. Потом пили тяжелое густое вино из пластиковых скорлупок. Холодные заснеженные вершины гор с редкими соснами светились красным, и теплое неподвижное море, и небо, сливающееся с ним, все тоже было прощально красным. Мы молча слушали радостный шепот прибоя, он говорил о возможном счастье, о красоте, о фантастичности и бесконечности жизни.

Красное неподвижное море. На фоне моря скамейка без спинки. На ней маленький, сгорбившийся мужчина, и большой ушастый мальчик.

Мужчина медленно оборачивается, вскрикивает и толкает мальчика, я вздрагиваю и падаю, выкатываюсь из-под перрона. Хотел встать, но сразу упал, не чуя ни рук, ни ног. На локтях выполз на свет. Издалека глянул на часы на руке, прошел только час! Я полежал на журналах, постепенно выпрямляя ноги и руки, набитые стеклом и электрическими шариками. Во рту мерзлый вкус древесного спирта. Я так сопьюсь с этой работой.

Потом случайно увидел огонек. Это в моих глазах огоньки. Нет. Огонек. Нет, это в глазах. Нет, не в глазах. Пошел туда. Казалось, что ноги вставлены не в ботинки, а в громоздкие, грохочущие валуны. Потом, рядом с огоньком увидел маленькое светящееся окно. Это были бомжи. Они сидели, как 12 месяцев из сказки. Услышал тихую музыку, так странно звучащую в лесу. Вышел на свет. Это были узбеки. Они сидели на деревянных ящичках из-под фруктов и смотрели индийский фильм. На пригорке стоял видеомagneтофон, а на нём телевизор. К нему, прямо из темноты неба свисали провода.

—— сказал я, но губы не слушались.

Они не обратили на меня внимания, как будто приняли за своего.

— Ребята, можно возле костра погреюсь? — кое-как выговорил я. — Я на электричку опоздал.

Один парень пощелкал пультом и остановил фильм, по-

том вынул из темноты бутылку пива, отхлебнул.

— Да, давай, братуха, садись, короче.

Он был в круглой кожаной шапочке. Драповое пальто. Широкие плечи и прямая как доска спина.

—— сказал он.

Все засмеялись, мелькали у огня лица.

—— попросили его.

Значит таджики. Я не понимал их речи. Сел на сумку. Неудобно было подсаживаться ближе к костру, но все равно тепло. Лицо ломило. Пальцы стиснуло, и они заныли.

Парень вытянул руку и запустил кино. Я когда-то в детстве уже видел этот фильм, не помню названия. Приятная музыка. Разглядел большие коробки в темноте. Здесь, недалеко от станции, был целый картонный городок беженцев.

— — писклявым голосом сказал другой парень, и своим костылём осторожно поправил головешку в костре. — — помолчав, добавил он.

Все рассмеялись.

Он как будто говорил про костер, но я чувствовал, что это про меня. Я улыбнулся им и пожал плечами.

—— сказал главный парень, показывая пультом то на телевизор, то на писклявого парня.

Все снова засмеялись. Писклявый в чем-то оправдывался, а другие его уличали, и смеялись, тем сильнее, чем больше парень оправдывался.

Потом Пискалявый легко поднялся и без костылей пошел в темноту. Он дурашливо прихрамывал, и корчил жалобное, глупое лицо. Все снова засмеялись. Я понял, что он уже играет это для меня.

Я очнулся от громкого смеха. Кто-то тормозил меня. Темно. Главный парень отсоединил провода и куда-то понес видеомагнитофон и телевизор.

— ...вай... ай, туда, братха, — со страшным акцентом говорил Пискалявый, показывая куда-то.

Это была большая картонная коробка из-под холодильника, с полосатым матрасом и одеялом из мешковины. Внутри неожиданный, очень вкусный и жаркий запах семечек. Я закрыл глаза и вдруг вспомнил, как в детстве тетя Венера очищала во рту семечки и давала мне это вкусное сердечко изо рта в рот, как птенцу. Я чувствовал скользкое семечко, округлую мякоть ее больших полных губ, упругую силу и нежность самого кончика ее языка, ее удушливый запах.

Я, конечно, не мог понимать тогда, почему мне так нравилось все это, почему я обмирал, задыхался и просил еще и еще.

Стало совсем тихо, но во мне всё звучала эта пошлая и прекрасная индийская музыка.

Пригрелся в электричке и немного заснул, а когда открыл глаза и посмотрел на людей, на светлый день и мелькающие столбы, мне показалось, что сегодня воскресенье, что у меня все хорошо, что еду к Асель, и она ждет меня дома.

На Киевском вокзале купил в кафе жирную котлету по-киевски, чашку кофе со сливками и ел за столиком в углу. Так было вкусно, что глаза слезились. Смешно было бы, если б я сегодня ночью замерз.

На чердаке снова пересчитал деньги. Если работать каждый день и откладывать по пятьдесят тысяч, то через двадцать дней уже можно будет снять комнату или даже квартиру. Лишь бы не спиться.

Разделся до гола и лег. Голуби скребли жесь. Натянул Димкино одеяло на голову. Так мучило ощущение ненужности моего обнаженного тела. Напряженно вытянулся и повернулся на бок в пустоту стенки. Член мой выпрямился и с какой-то особой твердостью завис в пустоте. Поднял пятерню. Как я хочу положить ладонь на женскую грудь. Почувствовать зыбкую мягкость вокруг соска и как твердый сосок щекочется, и успокоиться уже – я держусь за верхушку земного шара. Меня не сбросит с него, и я не буду один.

Потом гладил свой зад, представляя, что это роскошная попа какой-то женщины, гладил ее пышные бедра, ее жесткие волосатые ноги, трогал ее мускулистую грудь. Там были еще другие взрослые женщины. Мы с этим взрослым мужчиной сильно целовались в засос, и я чувствовал его округлый стальной член в гуттаперчевой оболочке.

Четыре

- ...ченька, как же так?!
- А я что вам?! – осподи!
- Хоть господи хоть не господи...
- Господи, доченька, как же так-то, что пенсии нет?
- О, боже...
- Ведь мне же звонили насчет пенсии...
- Кто вам звонил, бабушка?!

.....

Сделал это, не помню с кем. Но кончил только с Асель, как всегда, и заснул. Во сне меня кастрировали. Просто оттянули и отрезали без всяких приспособлений. Пугающе странно было, что теперь, без Асельки, могу идти сразу на все четыре стороны, а идти-то, оказалось, в итоге и некуда. Позвонил Гарнику.

– А-а... это ты... при-ивет... как дела? – голос у него был мёртвый, как будто я не живой. Я долго не говорил ему, откуда звоню, было приятно чувствовать расстояние.

– Я из Москвы звоню, Гарник, – я вернулся.

– Да ты что?!.. Ничего себе... да ты что! – голос ожил, будто я ожил для него. – Слушай, можешь мне для Билайна слоган придумать?

– Слоган... Я сейчас соображаю что-то плохо.

– Ну, ты звони, если что, – сказал он, что-то пережевывая. – Не пропадай, заезжай, если что.

Все горело, сжималось и мучило меня. Стал собираться. Надел черный костюм, в котором женился, легкие туфли с узкими, красиво закругленными носами, свой плащ. Я хотел, чтоб они видели, что у меня все хорошо, даже лучше, чем было, что я деловит и полон разных планов, что я успешен. И я так заспешил, будто опаздывал на важное свидание.

В троллейбусе и метро на меня смотрели девушки. Я тоже смотрел на них. Купил Ксении розу, купил бутылку красного вина, как будто у меня все хорошо и ничего не случилось. Доехал до них на холодном, неосвещенном 70 автобусе, все боялся пропустить остановку «Флотская». Перед их дверью у меня сразу изменилось лицо – странно, насколько я страдал в одиночестве, настолько я был весел и беспечен, когда встречался с кем-то, не выдавал своей боли.

Я обнял Ксению.

– Ну, привет, привет, – дружески хлопал ее по спине. – Привет, Аселька!

Женька сам встал в своей кровати, держась ручками за перильца, и смотрел на меня. Я нагнулся к нему, он замер, соображая, а потом широко улыбнулся, словно защищаясь, на всякий случай.

– У-у, какой Анвар пафосный, Гарник, посмотри на него, какой он пафосный!

– Эй, бала, кала капай? – спросил он, не отрываясь от компьютера.

Когда он был маленький, их армянская семья какое-то время жила в казахском ауле, и он немного говорил по-казахски.

– Жаксы, жаксы махан кал. Рахмет сахан! – ответил я.

.....

стрейнджерс ин де найт ту лавью ппплс и ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

...стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю... ла-ла-ла... л а-ла-ла и ай лав ю-ю-у... стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю... ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

...стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю... ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

.....

– С почты.

– Никто Вам не звонил... Вам может месяц назад звонили.

– Звонили, доченька.

– О, боже мой...

Доченька!

– Я Вам не доченька, достали уже!

Бог ты мой...

Хоть помирай ложись...

.....

– Жок-жок, кирек имес, сахан рахмет!

Я решил, что ничего не буду рассказывать.

– А что мать ее?.. А Аселька?.. – все выпрашивала Ксения на кухне.

Я вдруг увидел на шкафу пластиковую игрушку, которую привез для Женьки, она так же лежала там, как я ее и положил два месяца назад.

– Они же всю жизнь прожили вдвоем, Ксения, – сказал я. – Ведь отец их бросил, когда Асельке было семь лет. С тех пор они только с матерью.

– У нее мать страшная женщина, скажу я тебе, я же ее тогда видела, так все запущено! Мы выпили.

– Я пас, – сказал Гарник. – Надо слоган для Билайна при-

думать.

– Мне так жалко тебя, Анвар, – вдруг сказала Ксения. – Ведь ты тоже был маленький, как Женька, тебя тоже мама рожала...

– И я заметил, Ксения, когда у нас с Аселькой все хорошо, матери ее плохо, она одна... а когда мы с Аселькой ссорились и не разговаривали, то мать расцветала, она даже ко мне начинала хорошо относиться, представляешь? А я приехал с грошами, у меня там не было работы, там вообще мало у кого есть...

«Какие-то художники их знакомые, весь день играли в пинг-понг. Их деревянный дом казался заброшенным, умершим. И только звон пинг-понга. Там такой густой вдруг повалил в октябре снег. Ночью я слышал, как ломаются, трещат и обрушиваются от тяжести снега ветви. А утром все растаяло, и земля была зеленая от листьев. Ночью снова ветрено и холодно. Густо сыпались вдоль стен домов и по всей улице желтые листья, как беженцы какие-то, а между ними летала летучая мышь и сиротливо цеплялась за жестяной подоконник ярко освещенного окна. Кипение листьев в сухих арыках... И вот там, в Азии, все это мне вдруг так напомнило Крым. Я шел по улице, а мне навстречу, из темноты парень казах, что-то не так в нем было, он подошел вплотную, посмотрел в мое лицо, блеснул глазом, блеснул смешными золотыми зубами и пошел дальше, я медленно обернулся и тогда увидел, что у него в руке нож с длинным лезвием».

– ...мало у кого есть работа, я все пытался устроиться, Ксения, но у меня ничего не получилось...

– А мать её что?

– – говорил я.

.....

...стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю... ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

...стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю... ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю... ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

.....

«Скорую» вызвать?!

Не стучите, это стекло!

.....

А перед глазами фото, где они с мамой: санаторий на Кавказе, на тропинке под пальмами невысокого роста женщина казашка, уставшие, измученные жизнью глаза, держит за ру-

ку высокую худую и нескладную девчонку, бантики, гольфы; девочка смотрит открыто, с незащитным интересом, подогнула ножку и одну ступню в сандалике поставила на другую.

– Сейчас, – я ушел в ванную. Эта фотография разрывала мне сердце. Я, наверное, слишком громко застонал.

– Ты чего, Анвар?!

– Зуб... зуб заныл, Ксения... – я защелкал языком. – Где его теперь лечить?!

– А Аселька что?

– Может быть, я не любил ее, общажная связь? Боялся сказать ей, что ее не люблю? Жалел?

– Ей самой надо было думать.

Я все-все рассказал Ксении. От этого мне было нехорошо.

– А Гарник все на компьютере.

– А-а.

– Я иногда жалею, что мы его взяли у мамы.

– Компьютер?

– Да-а... вино купил, деловой такой! Слышь, Гарник, Анвар уже работает... Ты молодец.

– Да какая там работа, Ксения.

– Ты хоть стараешься. Ищешь способы какие-то, не ждешь...

– Ну, как я буду работать, когда у меня прописки нет? – неожиданно нервно отозвался Гарник. – Я сто раз тебе говорил!

– Гарник, ты не понимаешь, как я тебя пропишу, это же не

моя квартира, мама и бабушка не доверяют тебе, ведь тебе невозможно доверять, ты поэт!

– Меня не возьмут нигде без прописки!

.....

стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

...стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

.....

– Вы здесь неправильно написали, как я вам перевод оформлять буду, у нас даже в книге такого нет!

– А что сделать-то?

– Вот здесь, здесь ставьте число.

.....

– Но ведь Максим уже предлагал тебе хорошую работу.

– Он пидор.

– Ну разве это имеет значение?

– Ты хочешь, чтобы я стал пидором? – нараспев, протянул он. – Анвар, она хочет, чтобы я стал пидором и попал в их пидорскую мафию, тогда ей станет легче, ей по барабану все...

– Извини, что я начала, но ты просто не хочешь работать, Гарник, ты на компьютере играешь!

Женька заплакал.

– Я не играю, я изучаю Корэлл Дро.

– А, правда, Анвар, Женька такой хорошенький стал?

– Ребенок плачет!

– Ты, извини, тоже его отец, между прочим.

– А ты женщина.

– Это его мать этому научила, Анвар, он сам мне рассказывал.

– Что ты выдумываешь?!

– Он даже к матери своей не ездил, Анвар. Три года не ездил, прикинь, как все запущено!

– Поеду.

– У тебя денег нет... вон, Анвар же работает все-таки...

– Я не хочу так работать.

– А ты знаешь, Анвар, он Таньке, моей подруге, ночью руку на бедро положил, когда она у нас ночевала! Прикольно, да?

– Я ошибся.

– Ничего себе ошибочки у тебя, чувак!

– Я ее за тебя принял.

– Вот этого я тебе никогда не прощу!

– Я думал, что это ты, ты всегда с этого края лежишь!

– Ты просто отговорки ищешь, чтобы на компьютере...

.....

стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

.....

– Нету, нету пенсии, ну сколько можно говорить, не пришла.

– Где-где? В Банке, где!

– На Руставели пятнадцать, туда езжайте, если доедете уже.

.....

Гарник пошел и сильно шлепнул Женьку, он заревел еще сильнее. Ксения вздрогнула и посмотрела на меня круглыми черными глазами.

– Прикинь, как все запущено.

Звонил Кирилл. Мы договорились о встрече, я надеялся, что он пригласит своих студенток сексуальных.

Потом звонил Артемий, и Гарник долго обсуждал с ним новые стихи. Я играл с Женькой. Так приятно было находиться в теплой, уютной квартире. Ксения смеялась над Женькой, помогала мне учить его словам и читать детские стишки. Читали вместе. Было видно, что она соскучилась по этому.

– Зато у нас мальчик хороший получился! – вдруг сказала она. – Правда же, хороший?

Я остался ночевать. Ночью играли на компьютере в «Мортал комбат». Гарник проигрывал и злился, как ребенок. Ксения спала. Потом он по Интернету общался с какой-то «Киской», занимался с ней виртуальным сексом и возбуждился. Он потряс головой, взял резинку в губы и как-то неожиданно женственно собрал блестящие черные волосы на затылке в хвостик, перетянул резинкой. Я почувствовал, что мне нужно уйти. Посидел на краешке ванной. А потом лег на раскладушку на кухне и уснул.

Утром приехал в общагу. Голуби скребли жезь над головой. Было плохо. Не находил себе места. Очень захотелось позвонить Асель. И вот сижу на почте, пишу.

Так и не смог позвонить, сидя в кабине, я почувствовал, что в доме у них темно и обе они молчат.

У Ксении в старом журнале «Вог» вдруг увидел девушку, чем-то похожую на Асель. Один глаз казался чуть меньше

другого, будто она его немного прищурила. Она была красивее Асель, она была такой, какой Асель могла быть в идеале. Вырвал эту страницу.

Сижу на почте. Бабка ругается. В голове песня о странниках в ночи. Не петь ее. (Ноябрь 1996 г. Уже поздно.)

.....

...стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю... ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у...

...стрейнджерс ин де найт ту лавью пиплс и ай лав ю-ю-ю... ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...

— ..ленька, как же так?!	Сделал з то, не помню с кем. Но кончил только с Асель, как всегда, и заснул. Во сне меня кастрировали. Просто отпилили и отрезали без всяких приспособлений. Путешествие странно было, что теперь, без Асельки, могу идти сразу на все четыре стороны, а идти-то, оказалось, в итоге и некуда. Повспоминай Баринку.	стрейнджерс ни де найт ту лавью шилде и ай лав ю-ю-ю...
— А я что вам?!	— А-а-а, это ты... при-ивет... как дела? — голос у него был мертвый, как будто я не живой. Я долго не говорил ему, откуда звоню, было приятно чувствовать расстояние.	ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...
— осподи!	— Я из Москвы звоню, Барник, — я вернулся.	...стрейнджерс ни де найт ту лавью шилде и ай лав ю-ю-ю...
— Хотя господи хоть не господи...	— Да ты что?!.. Ничего себе... да ты что! — голос ожив, будто я ожив для него. — Ступай, можешь мне для Би-лайна слоган придумать?	ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...
— Господи, доченька, как же так-то, что пенсии нет?	— Слоган... Я сейчас соображаю что-то плохое.	стрейнджерс ни де найт ту лавью шилде и ай лав ю-ю-ю...
— О, боже...	— Ну, ты звони, если что, — сказал он, что-то пережевывая. — Не пропадай, заезжай, если что.	ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...
— Ведь мне же звонили насчет пенсии...	Все горело, жималось, и мучило меня. Стал собираться. Надел черный костюм, в котором скимал, легкие туфли с узкими, красиво закрученными носами, свой плащ. Я хотел, чтоб они видели, что у меня все хорошо, даже лучше, чем было, что я деловит и вселен разных планов, что я успешен. И я так заснешил, будто оказывал на каждое слово внимание и метро на меня смотрели девушки. Я тоже смотрел на них. Купил Ксения розу, купил бутылку красного вина, как будто у меня все хорошо и ничего не случилось. Доехал до них на холодном, несвоевременном 79 автобусе, все боялся пропустить остановку «Флотская». Перед их дверью у меня сразу изменилось лицо — странно, насколько я страдаю в одиночестве, настолько я был весел и беспечен, когда встречался с кем-то, не выдавая своей боли.	... стрейнджерс ни де найт ту лавью шилде и ай лав ю-ю-ю...
— Кто вам звонил,	Я обнял Ксению. — Ну, привет, привет, — дружески хлопал ее по спине. — Привет, Аселька! Женька сам встал в своей кровати, держась ручками за перильца, и смотрел на меня. Я напустил к нему, он замер, соображая, а потом широко улыбнулся, словно задищаясь, на великий случай. — У-у, какой Анвар пафосный, Барник, посмотри на него, какой он пафосный! — Эй, баба, кака калай? — спросил он, не отрываясь от компьютера. Когда он был маленьким, их армянская семья какое-то время жила в казахском ауле, и он немного говорил по-казахски.	... стрейнджерс ни де найт ту лавью шилде и ай лав ю-ю-ю...
	— Жаксы, жаксы махан кал. Рахмет сахан! — ответил я.	

бабушка?!	— Жок-жок, кирек имес, сахан рахмет! Я решил, что ничего не буду рассказывать.	лавью шилде и ай лав ю-ю-ю-ю...
— С почты.	— А что мать ее?... А Аселька?... — все выспрашивала Ксения на кухню.	ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...
— Никто Вам не звонил... Вам может месяц назад звонили.	Я вдруг увидел на шкафу пластиковую игрушку, которую привез для Женьки, она так же лежала там, как я ее и положил два месяца назад. — Они же всю жизнь прожили вдвоем, Ксения, — сказал я. — Ведь отец их бросил, когда Асельке было семь лет. С тех пор они только с матерью. — У нее мать-страшная женщина, скажу я тебе, я же ее тогда видела, так все запущено! Мы вышли.	... стрейнджерс ни де найт ту лавью шилде и ай лав ю-ю-ю-ю...
— Звонили, доченька.	— Я нас, — сказал Барник. — Надо слоган для Би-лайна придумать.	ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...
— О, боже мой...	— Мне так жалко тебя, Анвар, — вдруг сказала Ксения. — Ведь ты тоже был маленький, как Женька, тебя тоже мама рожала...	... стрейнджерс ни де найт ту лавью шилде и ай лав ю-ю-ю-ю...
Доченька!	— И я заметил, Ксения, когда у нас с Аселькой все хорошо, матери ее плохо, она одна... а когда мы с Аселькой ссорились и не разговаривали, то мать расцветала, она даже ко мне начинала хорошо относиться, представляешь? А я приехал с грошамми, у меня там не было работы, там вообще мало у кого есть...	ла-ла-ла... ла-ла-ла и ай лав ю-ю-у-у...
— Я Вам не доченька, достали уже!	«Каким-то художником их знакомые, весь день играли в пинг-понг. Их деревянный дом казался заброшенным, умершим. И только зов пинг-понга. Там такой густой вдруг повалил в октябре снег. Ночью я слышал, как ломаются, трещат и обрушиваются от тяжести снега ветви. А утром все растаяло, и земля была зеленая от листьев. Ночью снова ветрено и холодно. Густо сыпались вдоль стен домов и по всей улице желтые листья, как бешеные казие-то, а между ними летала летучая мышь и сиротливо цеплялась за жесткий подоконник ярко освещенного окна. Кипение листьев в сухих арыках... И вот там, в Азии, все это мне вдруг так напомнило Крым. Я шел по улице, а мне навстречу, из темноты парень казак, что-то не так в нем было, он полощел вилотную, посмотрел в мое лицо, блеснул глазом, блеснул смешными золотыми зубами и пошел дальше, я медленно обернулся и тогда увидел, что у него в руке нож с длинным лезвием».	... стрейнджерс ни де найт ту лавью шилде и ай лав ю-ю-ю-ю...
Бог ты мой...	— ..мало у кого есть работа, я все пытался устроиться, Ксения, но у меня ничего не	стрейнджерс
Хоть помирай ложись...		

«Скороую»
вызвать?!

Не стучите, это
стекло!

получилось....

— А мать её что?

— — говорил я.

А перед глазами фото, где они с мамой: санаторий на Кавказе, на тропинке под пальмами невысокого роста женщина казашка, уставшие, измученные жизнью глаза, держит за руку высокую худую и нескладную девочку, бантики, голфы; девочка смотрит открыто, с беззащитным интересом, подопнула ножку и одну ступню в саидалике поставила на другую.

— Сейчас, — я ушел в ванную. Эта фотография разрывала мне сердце. Я, наверное, слишком громко застонал.

— Ты чего, Анвар?!

— Зуб... зуб занял, Ксения... — я зашелкал языком. — Где его теперь лечить?!

— А Аселия что?

— Может быть, я не любил ее, общажная связь? Боялся сказать ей, что ее не люблю? Жалел?

— Ей самой надо было думать.

Я все-все рассказал Ксении. От этого мне было нехорошо.

— А Гарник все на компьютере.

— А-а.

— Я иногда жалею, что мы его взяли у мамы.

— Компьютер?

— Да-а... вино купил, деловой такой! Слышь, Гарник, Анвар уже работает... Ты молодец.

— Да какая там работа, Ксения.

— Ты хоть старайся. Ищешь способы какие-то, не ждешь...

— Ну, как я буду работать, когда у меня прописки нет? — неожиданно нервно отозвался Гарник. — Я сто раз тебе говорил!

— Гарник, ты не понимаешь, как я тебя пропущу, это же не моя квартира, мама и бабушка не доверяют тебе, ведь тебе невозможно доверять, ты поэт!

— Меня не возьмут нигде без прописки!

ни де найт ту
лавью пинле и
ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-
ла-ла и ай лав
ю-ю-у-у...

стрейнджерс
ни де найт ту
лавью пинле и
ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-
ла-ла и ай лав
ю-ю-у-у...

... стрейнджерс
ни де найт ту
лавью пинле и
ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-
ла-ла и ай лав
ю-ю-у-у...

— Вы здесь неправильно написали, как я вам перевод оформлять буду, у нас даже в книге такого нет!

— А что сделать-то?

— Вот здесь, здесь ставьте число.

— Но ведь Максим уже предлагал тебе хорошую работу.

— Он шидор.

— Ну разве это имеет значение?

— Ты хочешь, чтобы я стал шидором? — нараспев, протянул он. — Анвар, она хочет, чтобы я стал шидором и покат в их шидорскую мафию, тогда ей станет легче, ей по барабану все...

— Извини, что я начала, но ты просто не хочешь работать, Гарник, ты на компьютере играешь!

Женька заплакал.

— Я не играю, я изучаю Корелл Дро.

— А, правда, Анвар, Женька такой хорошенький стал?

— Ребенок плачет!

— Ты, извини, тоже его отец, между прочим.

— А ты женщина.

— Это его мать этому научила, Анвар, он сам мне рассказывал.

— Что ты выдумываешь?!

— Он даже к матери своей не ездил, Анвар. Три года не ездил, прикинь, как все запущено!

— Поеду.

— У тебя денег нет... вон, Анвар же работает все-таки...

— Я не хочу так работать.

— А ты знаешь, Анвар, он Таньке, моей подруге, ночью руку на бедро положил, когда она у нас ночевала! Прикольно, да?

— Я ошибся.

— Ничего себе ошибочки у тебя, чувак!

— Я ее за тебя принял.

— Вот этого я тебе никогда не прощу!

— Я думал, что это ты, ты всегда с этого края лежишь!

— Ты просто отговариваешь, чтобы на компьютере...

стрейнджер
ин де найт ту
лавью пилсе и
ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-
ла-ла и ай лав
ю-ю-у-у...

стрейнджер
ин де найт ту
лавью пилсе и
ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-
ла-ла и ай лав
ю-ю-у-у...

— Нету, нету пенки, ну сколько можно говорить, не пришла.

— Где-где? В Банке, где!

— На Руставели пятнадцать, туда езжайте, если доедете уже.

Гарник пошел и сильно шлепнул Женьку, он заревел еще сильнее. Ксения издрогнула и посмотрела на меня круглыми черными глазами.

— Прикинь, как все запущено.

Звонил Кирилл. Мы договорились о встрече, я надеялся, что он пригласит своих студентов сексуальных.

Потом звонил Артемий, и Гарник долго обсуждал с ним новые стихи. Я играл с Женькой. Так приятно было находиться в теплой уютной квартире. Ксения смеялась над Женькой, помогала мне учить его словам и читать детские стишки. Читали вместе. Было видно, что она соскучилась по этому.

— Зато у нас мальчик хороший получился! — вдруг сказала она. — Правда же, хороший?

Я остался ночевать. Ночью играли на компьютере в «Мортал комбат». Гарник проигрывал и злился, как ребенок. Ксения спала. Потом он по Интернету общался с какой-то «Киской», занимался с ней виртуальным сексом и возбуждался. Он потряс головой, издал резинку в губы и как-то неожиданно женственно собрал блестящие черные волосы на затылке в хвостик, перетянул резинкой. Я почувствовал, что мне нужно уйти. Поехал на крайнее ваншоп. А потом лег на раскладушку на кухне и уснул.

Утром приехал в общагу. Голуби скребли жезл над головой. Было плохо. Не находил себе места. Очень захотелось позвонить Асель. И вот сижу на почте, пишу.

Так и не смог позвонить, сиди в кабине, я почувствовал, что в доме у них темно и обе они молчат.

У Ксении в старом журнале «Вог» вдруг увидел девушку, чем-то похожую на Асель. Один глаз казался чуть меньше другого, будто она его немного прищуривала. Она была красивее Асель, она была такой, какой Асель могла быть в идеале. Вырвал эту страницу.

Сижу на почте. Бабка ругается. В голове песни о странниках в ночи. Не петь ее. (Ноябрь 1996 г. Уже поздно.)

... стрейнджер
ин де найт ту
лавью пилсе и
ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла... ла-
ла-ла и ай лав
ю-ю-у-у...

... стрейнджер
ин де найт ту
лавью пилсе и
ай лав ю-ю-ю...
ла-ла-ла
... ла-ла-ла и ай
лав ю-ю-у-у...

Пять

В метро люблю садиться рядом со спящими девушками, смотришь искоса и воображаешь, что она спит рядом с тобой на подушке, сейчас проснется, повернет лицо и улыбнется.

Видя свое отражение в черном стекле электрички, часто размягчал окаменелое лицо, чтобы люди не обращали на меня внимание. Где-то читал, что нужно насильно улыбаться, тогда и настроение изменится. Насильно улыбал свои губы, поднимал их кончики кверху, подташнивало и, казалось, слышно, как хрустит лицо.

Они целовались. Их глаза были закрыты. Она детскими пальцами в дешевых перстнях гладила его затылок. Он прижимал ее, приподнимал вверх и шов ее джинсов врезался, красиво разделял ее зад. Трусики ее, наверное, тоже натянулись, свернулись и впились между губ. У него, наверное, встал. И она чувствует это, он чуть отстраняется, наклоняется, чтобы не было видно. Иногда открывает глаза и снова быстро замуривается.

«А ведь он ее любит. Любит этот некрасивый нос, это острое лицо. А мне она не нравится, и мне смешна его любовь».

Стоял в переходе метро «Кузьминки», выход из первого вагона, и смотрел на целующихся. Обходил, курил, искоса посматривал. Вот этот вот хлюпик с рюкзаком Рима на спи-

не обнимает ее. И это колечко у него в ухе. У нее перчатки и сумочка дамская. Он ее ровесник, конечно, но выглядит гораздо моложе. А если она его бросит, он будет страдать, а мне будет все равно, я не буду понимать его боли. И кому-то также все равно твои страдания, Асель, и так далее, да.

Они целовались, а у меня рот наполнялся слюной. Ладно, Кирилл пригласит своих студенток-москвичек... нежные, до дрожи шероховатые молоденькие тела. Я воображал все, что у нас будет с ними, дрожал и радовался.

Резкие порывы ветра из метро, то теплого, то холодного. В стекле витрины на коробочках женского белья выпукло сияют ягодицы и груди. В конце перехода появился Кирилл. На голове модный картуз, короткая теплая куртка, расширяющая его и узкие обтягивающие джинсы и эта его деревенская походка, эта его сутулость.

– О, привет, Кир!

– Давно ждешь?

– Только что пришел... ты такой модный стал! Я тебя даже не узнал!

– Ты знаешь, – он мучительно задумался. – Ну-у, хочется как-то выглядеть. А ты такой интеллигентный – панама эта, шарфик.

Идем в сумерках, звонко скрипит снег. Одинаковые коробки домов, черный голый кустарник, одинаковые тропинки к подъездам. Скамейки. Обледенелые ступени.

Я был весел, энергичен, это была энергия издыхающего

человека. Меня самого удивляла веселость, усталая энергия, все ещедвигающая меня, переставляющая по Москве, открывающая мне рот, ведь все уже кончилось у меня, жизнь по инерции привычки. Что-то последнее не дает упасть прямо здесь, возле урны.

Однокомнатная квартира. Голые стены. Телевизор с видеомагнитофоном на полу. Полированный раздвижной стол. Старый большой телевизор на шкафу. Шифоньер с пыльными коробками наверху. Радиоточка, кажется, что если покрутить ручку, то услышишь советские новости из параллельной жизни. Удивительно, как эти съемные квартиры похожи друг на друга. Как похожи друг на друга и те, кто их снимает здесь, в Москве.

– Так смешно, Кирилл.

– Что?

– Непривычно как-то, что ты такой хозяйственный. Водки купил, виноград, и что это, нарезка какая-то.

– Ты знаешь, я даже и не знаю, нужно же что-то на закуску.

– Ты ж совсем не пил, Кирилл?

Он ходил по коридорам общаги в выцветшей рубашке на выпуск, в старом трико с оттянутыми коленями, длинные прилизанные волосы были, как схимник какой-то. Вечная алюминиевая кастрюлька в руках.

– Так смешно, Кирилл, что ты разливаешь водку.

«Кириллу тоже не понятна моя боль, слушает только из уважения к моей личности и удивляется, что я могу страдать

из-за какой-то там Асель».

Он вздохнул.

– Никогда бы не подумал, что мы будем с тобой вот так сидеть в какой-то квартирке на окраине Москвы, зимой, пить водку и на дворе уже девяносто шестой год. Куда летит время?

Он вздохнул.

– Ты извини, я много не буду пить, завтра занятия.

– Кирилл, я всегда, когда стучал в дверь твоей комнаты, вначале слышал звук отодвигаемого стула. Стук в дверь, а потом такой дребезг – д-р-р.

– Да-а, – вздохнул он и сунул руку глубоко в карман.

– А потом заметил на полу возле стола две борозды от ножек стула.

– Да-а, я много занимался тогда, – вздохнул он.

– Это знаешь, как скульптор какой-то, Торвальдсен, что ли, который так много ходил по своей мастерской, что протоптал канаву.

Он вздохнул и поправил волосы, будто удивляясь, что они короткие.

– Ты сильно изменился после Германии, а я знал, что она тебя изменит.

– Почему?

– Не знаю, Кирилл. Я ведь тоже много занимался, хотел изменить мир, и не заметил, как сам изменился после армии, что-то такое понял в жизни, и это повисло на мне грузом

каким-то, с которым стало легче, конечно.

Он вздохнул.

– Ты чего вздыхаешь?

– Что? Да-а. Ты знаешь, я даже и не знаю.

– И вот я, Кир, той осенью, стою на нашей остановке и вижу тебя – ты идешь в красных обтягивающих джинсах, и у тебя короткая стрижка, я даже не узнал тебя, а потом обрадовался, я знал, что ты изменишься после Германии.

– Как ты после армии?

– Не-ет, в другую сторону, но все же изменишься.

– А-а, ну да.

– И все еще говорили тогда: вы видели Кирилла в красных джинсах? Вы видели Йошкина в джинсах?

– Да-а?

– Да, говорили. И в тебе уверенность какая-то появилась.

Он вздохнул и сунул руку в карман.

– А мне так страшно было возвращаться в Россию, Анвар. Самолет завис над Москвой, я увидел приближающиеся огни и подумал: вот Россия, лагеря, смерть. Я испугался.

– Да-а, я понял твое чувство... Нелли Рубер работу предложила. Редактор. А, Кирилл, ну какой я, на хрен, редактор? В этой интеллигентной панаме, шарфике и чужом пальто крадусь через чердак в общагу, живу там и прячусь, важным, кредитоспособным голосом звоню московским журналистам с таксофона. А мне никто не звонит.

Он мучительно задумался.

– Ты знаешь, ну позвонят еще, скоро же Новый год, никто не работает уже, на самом деле. Не переживай, – он вздохнул.

«Да, финансовый год заканчивается... Что он все вздыхает?»

– А это чьи сигареты, Кир?

– Мои, кури.

– Ты же не курил?

– Так, иногда.

– «Счастливый удар» или «Тебе повезло», сигареты американских рабочих, говорят.

– Ты знаешь, я же немецкий учил.

Черное окно. Голая лампочка под потолком. Водочный озноб. Вот моя рука с сигаретой. Такое чувство, что за Кириллом кто-то прячется. Приятно закурить после водки, почувствовать, как дым сжимает трахею.

– Спасибо, тебе, Кир.

– Ла-адно.

– Я так наелся и, можно сказать, напился. Странно все-таки, что они мне не звонят. Журнал нужно сдать в январе... а ты как в РГГУ устроился?

– Через Аллу Адамовну.

– А-а, она хорошо к тебе относилась.

– Я французский начал учить, на курсы хожу.

– Ого!

– Познакомился там с кубинцами, парень с девушкой, достаточно эротичные люди, Анвар, раскрепощенные сексу-

ально.

– Так смешно, Кир, что ты об этом говоришь... эротично, сексуально... просто не видел тебя давно. Что ты все вздыхаешь, Кир?

– Да? А я и не заметил.

Он закурил, пальцы его дрожали.

– Ты знаешь, эти кубинцы такие открытые, яркие! Я так комплексую со своей внешностью.

– Ты красивый, Кирилл. Я давно уже заметил, что ты красивый. Вот повернись в профиль. У тебя профиль красивый. Нос такой изогнутый, как у старорусского витязя, который из леса смотрит в степь!

– Скажешь тоже.

– И подбородок мужественный.

Он мучительно задумался.

– Нет, я не верю тебе, нет.

– Ну точно тебе говорю! Ох, ну как мне доказать тебе, а?!

Он вздохнул, сунул руку в карман.

– Как думаешь, Кир, вряд ли Нелли может обмануть?

– Ты знаешь, я думаю, что она все-таки деловой человек, единственный среди нас, а потом я полагаю, что ей еврейская мафия помогает.

– Да какая там мафия, Кир, я ж ее видел, не скажешь по ней, что ей помогают, даже очень не скажешь.

– Ну не знаю, Анвар... нет-нет, ты пей, я нет.

– А как дома у тебя?

– Деда жалко, – его серо-бледное лицо покривилось. – То ли цыгане, то ли узбеки его корову зарезали, кости и голову на берегу нашли.

– Вот суки!

– А это единственное, что у него было, теперь только пенсия. Про деревню вообще вспоминать не хочу.

Он встал и, сутулясь, проскользил мимо меня в ванную. Я закрыл глаза. Нормально. Я оставался на одном месте. Темнота в глазах и в голове не вращалась. Снова Кирилл напротив меня.

«Говорит что-то. Что он все вздыхает?.. Если не съедешь с общаги, дадим пизды... Хорошо, Сергей Петрович, через три дня... Хоть бы Нелли позвонила! Сколько платить ректору? Он же спрашивает».

– ...я тоже смотрел этот фильм, Кирилл.

«Сколько будет получать верстальщик? Сколько он согласен работать за предложенные деньги? К кому обращаться? Буклеты фирм по детским товарам. Оператор получает столько-то. Сторонние заказы. Процентное участие»...

– Не знаю, Кир, просто не нравится и все, у него жирные какие-то фильмы, отвратные, патология какая-то чувствует-ся.

– А для меня, знаешь, это какое-то откровение в последнее время. Он же был гомосексуалистом, знаешь?

– Да-а... «Фотографии детей необычные. В заголовке вместо круга выпуклый шарик, как бы беременность».

– И такая страшная смерть. Ведь любовник проехался несколько раз по его телу на авто.

– Пазолини проехался?

– Нет, его любовник, юноша.

– А да слышал что-то такое... надо же... пойду-ка я спать уже, Кир.

Я разделся и лег. Он что-то говорил, сидя на полу возле видеомэгнитофона. Ушел в ванную. В телевизоре голый мужчина ласкал и покусывал клитор, все влажно блестело, как это всегда блестит в порнушке и эти липкие звуки, стоны, постоянно приходилось приглушать звук. Мне почему-то понравилось, когда там женщин трахали в зад. Было видно, что им больно, что им надоело и жутко раздражает все это, и они еле сдерживают себя, чтобы не заорать и не оттолкнуть этих крупных мужиков. Они вздрагивали, сдерживали себя, и тем мучительней и загадочней улыбались в камеру, тем более страстно притягивали к себе толстые зады этих мужиков и сладко стонали, а внутри разрывались от бессмысленной и бесконечной боли. Жалко было их. Дрочил по-тихому и смотрел на свое лицо в зеркале. «Смешно, Кир, мы что, вот так и будем с тобой смотреть порнушку, как два идиота?!»

Он пришел и, намеренно не смущаясь меня, стал раздеваться. Показывал, что он такой же простой мужик, как и я. Бледно-синие, большие трусы. Худые ляжки. Голое, вообще без волос, тело.

– Кир, ты зачем порнушку поставил? – засмеялся я и

скашлянул.

– Что с твоим голосом? – прошептал он.

– Что? – шепотом спросил я.

– Ты охрип как-то.

– Да, кгм, – громко сказал я.

– Это гормоны сажают голос, Анвар, – громко сказал он. –

Прости.

– Надо же, правда, что ли, кгм?

Он лег. Пахло его сухим мужским телом.

Было странно, что это мы с ним лежим здесь, как братья, и оба не смотрим в телевизор. Только слышны липкие, хлюпающие звуки и захлебывающиеся стоны.

Он отвернулся. И я вдруг почувствовал. Он молчал. Он ткнулся в подушку лицом. Я ждал. Я знал, что он сейчас делает это. Его ладонь осторожно, будто по ошибке, легла на мой живот. Он замер.

И я взорвался в этой маленькой квартирке на окраине зимней Москвы. Я извивался и боролся с его невесомым и растерянным телом. Напрягался, и мышцы выстреливали в стороны моими руками и коленями. Вытягивал шею, упирался затылком, вставал на мостик и падал. Мы слетели с кровати. Я перебросил его через плечо и на постель. Встал на одно колено, стиснул его затылок и сильно взасос поцеловал его неприятные скупые губы. Я отдавал этому мужчине все, что так долго хотел взять у женщин, я безжалостно дарил ему то, чего они все, словно сговорившись, лишили ме-

ня, припрятали, отложили до лучших времен. Я вытворял с ним те самые вещи, какие они могли бы делать со мной и никогда не делали, потому что не умели или не хотели, потому что боялись или кокетничали или не надеялись на достойную плату, просто потому, что они всего-навсего женщины. А эта женщина извивалась и корчилась от испуганных ласк этого мужчины, комкала и скручивала свои мышцы, выгибалась напряженной дугой, словно бы вся хотела выпрыгнуть через мой член, и я бился и стонал, едва замечая рядом растерянное, оглушенное и безвкусное тело Кирилла.

И вот это удивительное сочетание мягкости, почти водянистости мошонки и твердости члена. Ого, какой горячий и прямо вспухает под ладонью, будто хочет стать больше чем его оболочка и отдает волнами. Удивительно, что какое бы горячее тело не было, член всегда горячее, и это сочетание – холодные и тонкие его пальцы и горячий член. Даже чувствуешь венку на нем, и как пульсирует кровь. Бедный, беззащитный. И это странное чувство во рту его самостоятельности, его пресной безвкусности и резиновости, кажется, что слышишь резиновый хруст. И эта тошнота, когда касается нёба. И это наслаждение, и это восхищение мужской красотой.

– Скольких баб ты мог бы осчастливить, Кирилл?!

Он упал с кровати на колени.

– Я даже не... я... я не предполагал.

Что он не предполагал?

Пополз, встал, убежал и принес баночку с разбитыми острыми краями.

– Что это?

– ...лин... Вазелин, я разбил баночку, осторожно. Была «Нивеа», не найду, прости.

Приятное ощущение холодной мази на горячем.

– Ты что из холодильника?

– Вот так, ты можешь вот так, пожалуйста, Анвар.

– Что?!

Я вытер ладонью лицо. Какой-то резкий, горький и бархатистый вкус на губах. Что это?! Пот такой горький? Надо же, горький?

– Да! Мне хорошо, почему мне хорошо?! Почему ты лучше Пепе?

– Кого?

– Пепе, кубинца, мне никогда не было так хорошо. Почему?

– Потому что я люблю женщин, Кирилл!

– Этого не может быть, не-ет.

Потом он пытался войти в меня. Она красиво прогибалась и двигала пышными бедрами, струились желтые волосы по заострившимся плечам. И я думал, что мне так же будет хорошо, как и ей. Он так вежливо все советовал, и мне нравилась его вежливость, и его советы, я не умел так говорить с женщинами, я всегда стеснялся слов, не мог их подобрать, а он мог, у него получалось. По его уверенности и спо-

койствию было видно, что он уже не раз проделывал все это. Но мне было больно. И когда он резко и нетерпеливо, просто потому, что ему уже хотелось, дернулся, я изогнулся и схватил его за горло... который несколько, много раз переехал на машине тело режиссера Пазолини... и я вдруг понял этого итальянца, понял, что если сейчас не сниму с горла пальцы и не прогоню себя, то я задушу Кирилла, и еще раз задушу уже мертвого, и на следующий день про меня напишет «Московский комсомолец» в отделе криминальной хроники.

До утра стоял в ванной. Кирилл робко стучался в дверь и что-то говорил.

Ожесточенно тер мочалкой свои губы и язык, сплевывал, несколько раз обмыливал и тер член, но не чувствовал воды и чистоты. Шершавая струя глухо стучалась об меня и все сильнее натягивала горячую кожу.

Кирилл спал так, как будто я его убил. На полу валялась эта баночка и осколки черного пластика от раздавленного пульта управления. Вдруг громко поздоровались два алкаша на улице. Квартира, как оказалось, была на втором этаже. За окном проступали из темноты очертания домов. Шумели машины на автостраде.

Все какое-то другое на кухне, будто не мы вчера сидели. Я выпил всю воду из чайника, выкурил сигарету «Счастливый удар» или «Мне повезло», тихо и быстро оделся. Трусы свои не нашел. Мистика всегда какая-то с этими трусами.

Смешно конечно, было бы теперь просить у него сто дол-

ларов займы. Замер перед выходом. Еще раз отметил себя, стоящего в этой квартире, глянул на продавленный диван, ножку шкафа, погрызенную собакой, зафиксировал и вышел.

Было неожиданно холодно и свежо. Долго не мог найти метро. Какая-то женщина с маленькой, хнычущей девочкой объяснила дорогу.

Несколько бабушек в ряд и один дед торговали у метро сигаретами, семечками, квашеной капустой, яркими ломтями тыквы, грибами. Свежий, энергично подергивающийся милиционер. Толстый таксист, серый от бессонной ночи. Бомж, аккуратно причесанный с похмелья, мнётся и строит глазки. Девушка с глупой фигурой на высоких каблуках. Голуби хатично снуют и дергают головками, мелкие воробьи легко подпрыгивают и воруют у них семечки. В стекле витрины на коробочках турецкого женского белья выпукло сияют ягодичцы и груди.

Глядя на пустую бутылку пива в вагоне, вспомнил горький бархатистый привкус и понял, что это было: вот и ты узнал вкус вазелина – горький.

Шесть

Сто долларов занял у Германа. Димка нашел комнату. Я ее снял.

Переночевал уже на новом месте. Купил шампанское и спрятал в шкафу, все казалось, что кто-то должен придти ко мне в гости. Повесил вырезку из «Вога» на стенку, снял и снова спрятал в карман, так лучше.

Засыпая, видел огни Ялты, мерцающие в море. Где сейчас Серафимыч? Ночью в дверь стучали.

31 декабря, сутра был в общежитии. Собирали вещи и укладывали в коробки.

Нагрузил очень много. Опять обвязывал электрическим шнуром, брючным ремнем и шарфом. Вспоминал, как это делал в маленькой комнате в Алмате, а в соседней сидели Асель с мамой.

Стоял на лестничной площадке. И все проверял этот московский ключик в кармане. Темно. За окном розово светили фонари. Сколько обманутых надежд и сломавшихся судеб в этой общежитии, сколько здесь повесилось, сбросилось в шахту лифта и сошло с ума людей. Отпусти меня. Почему же ты не отпускаешь меня?

Красный снег, зеленый снег на остановке под светофором. Ехали с Аселькой на этом же трамвае. Вот здесь покупали мясо, а в этом магазине для новобрачных купили кольца.

В этом кафе мы ели с нею, и она вспоминала детство, кафе-стекляшку, я смеялся и сравнивал ее детство со своим, и удивлялся, что мы были маленькие, далеко друг от друга и ничего не знали. Достал из кармана и смотрел на девушку из «Вога». Она как будто подмигивала мне.

«Остановка „Полиграфический институт“, следующая остановка кинотеатр „Байкал“. Уважаемые пассажиры своевременно и правильно компостируйте абонементные талоны. За безбилетный проезд взимается штраф. Уважаемые пассажиры, переходите улицу только в местах, предназначенных...»

Когда трамвай сигналил, в нем гас свет. В окнах квартир, как символ счастья и уюта, горели ёлки. Казалось, что я в Советском Союзе, что у нас совсем другая с Аселькой жизнь. Уютно плыть по ночной Москве в этой железной лодочке. На поручне тонко сиял и пугал меня серебристый дождик, на полу конфетти.

«Да, сегодня же Новый, 1997-й год».

Потрясающе, что номер дома – 23, ровно столько лет Асельке, а квартиры – 26, как мне. Заржавелые почтовые ящики с болтающимися дверками. Только рекламные листовки, выгреб их и заторопился, затряс ключами.

Выкурил сигарету и набрал номер Асель. Удивлялся, что не узнаю эту квартиру, самого себя в ней, этот новый, приторный и дешевый запах чьей-то жизни. Услышал гудки, и что-то щелкнуло и заныло внизу.

– Алло, – в трубке мужской голос.

– Вы не могли бы позвать Асель?

– Да-да, конечно, – с поспешной вежливостью осведомленного человека.

– А, это ты, – голос у нее был намеренно равнодушный, и я знал, что это специально для того мужчины.

За этим полированным советским столом в ярко освещенном углу, с этим красным телефоном, как я был далек от нее.

– Привет, как дела?

– Ничего, как у тебя?

– Хорошо.

– Поздравляю тебя с Новым годом, Асель, и желаю всего самого лучшего. Прощай! – и быстро придавил трубку к аппарату.

Это был голос Булата Мулюгенова, помощника акима Алматы, про которого они говорили всю осень, а я даже не обратил на это внимания. Я видел накрытый новогодний стол в их квартире, цветы и шампанское, видел, как весело и возбужденно суетится Аселька, красиво так ходит, как она ходила, когда знала, что я смотрю на нее, а Булат сидит в кресле, смотрит на нее и покачивает ногой в моем тапочке. Все горит, искрится и сияет в их квартирке на углу Гоголя и Мира. Он знает, что будет с ней сегодня, сглатывает слюну, все у него дрожит: женщина под Новый год особенно сладка... особенно, блядь, нужно с кем-то переспать, чтобы весь год потом с кем-то спать, чтобы...

Лег и заснул. Я теперь очень много спал и догадывался, что это мое спасение. Что-то отключалось во мне. Анатолий стучал в дверь. По коридору тяжело ходила Нина Васильевна.

Нет у меня денег, ничего у меня нет. И уже не будет!

Проснулся и вспомнил все. Было так тяжело, так бессмысленно все вокруг, такая усталость и лень, что казалось, если сейчас умру, то даже душа не станет вылетать из моего тела.

«Алло. Извините, Вы не могли бы позвать, Асель? Привет, как дела? Ничего. А как у тебя? Желаю тебе всего наилучшего, прощай, Асель».

Даже сам не знаю хорошенько, где я сплю. Сердце так тяжело замерло. Я заметил, что, когда думал об Асель, голову склонил набок точь-в-точь, как она это делала, и стал похож на нее, будто и во мне часть ее.

Конечно, этот Булат не мне чета, такой значимый в Алматы человек, такой взрослый. А ведь она переживала, когда он в октябре сломал ногу. Да это он был, а ты и не знал, про кого они говорят с матерью, какой-то там Булат.

Шампанское не поможет, и водка, конечно, только хуже станет. Уткнулся лицом в пыльный ковер с невидным в темноте рисунком. Вспоминал детское чувство радости и ожидание чуда.

Сквозь сон уже слышал крики и смех. Темно. Скрипящий, истончающийся свист в воздухе и взрыв. Синий свет. Крики. Темно. Скрипящий свист и взрыв. Красный, розовый, зеле-

ный. Освещались и вибрировали нижние слои атмосферы. Девушка из «Вога» в майке, и больше на ней ничего не было. Она ставила ступню мне на лицо. Потом опаздывал на Чимкентский поезд, и какие-то итальянцы хотели зарезать меня, я отстранял от горла руку с острой жестянкой, искал глазами Асель, переживал.

Новый день нового года казался особенно обыденным, серым, холодным и тяжким, как железка во рту. Долго вспоминал, зачем я вышел. И не вспомнил. Под ногами валялись пустые бутылки из-под шампанского, обгорелые китайские петарды, трубочки, рейки от ракет, конфетти, на скамейке чей-то шарф в снегу. Снег черный от гари, осыпавшиеся ветки. Собака с человеческим испугом смотрит на меня. Интересно, мог бы я переспать с собакой? Говорят, какая-то женщина спала с догом. Достал бесполезный презерватив, в серебристой, истершейся уже упаковке. Подержал, усмехнулся и выбросил его.

Купил пива в киоске, выпил и вернулся назад.

В квартире остро воняло сигаретами, килькой в томатном соусе и водкой. Из пещеры, покачиваясь, вышла какая-то женщина, с перекошенным лицом и слежавшимися волосами, посмотрела на меня и, желая что-то сказать, с шершавым звуком открыла и закрыла рот, голоса не было. Долго пила воду из-под крана. Потом звонко мочилась в туалете. Потом Анатолий просил взаймы. Дал ему денег в честь нового года и новой жизни. Они пили в своей пещере. Звякали рюмки. Я

смотрел из окна на маленький, пустынный уголок, с редкими, хилыми деревьями. Пробежала дворняжка.

Как Аселька, моя Аселька, которая зимними вечерами спрашивала меня, как пишется «кочерга» во множественном числе, или интересовалась, почему я отпустил на щеки баки, а у этих вот моих джинсов сместился шов, как могла она отсасывать сейчас чужой член?! Это же ужас какой-то. Ведь она видит меня оттуда, знает, что я бы не выдержал этого зрелища.

Мы справляли дома Новый год. Было темно в зале. Водили вокруг елки хоровод: я, Лилька и маленькая, коротко остриженная, белобрысая девчонка. Она танцевала, смешно дергая лопатками, у нее было короткое с блестками платье. Флюра была с нами. И все время кто-то хотел встать в наш круг и не мог. Я очень хочу ей помочь, и ничего не получается. Я отодвигаю всех от елки, все равно нет места. Я отодвигаю стул, раздвигаю танцующих, двигаю елку.

Семь

Это был «мой домашний» телефон. Я даже удивился. В трубке голос Германа. Мне в первый раз звонили по московскому телефону, а не на вахту в общежитии. Он сказал, что придет. Они с Соней жили почти рядом, на «Тимирязевской». Я объяснял дорогу, а потом решил встретить, чтобы он не заблудился. Подождал немного и вышел. Прошел мимо этой брошенной, заснеженной «Волги», возле нашего подъезда. Начиналась метель. Над фонарями шипел, шуршал и клу- бился огромный снежный шар. Легковые машины, грузови- ки, трамваи, освещенные светом своих фар, светом фона- рей, под густым снегом казались маленькими, игрушечны- ми. Снег не был виден в темноте, но от снежинок у меня че- салось лицо. Зашел в магазин, вздохнул в свободном от сне- га пространстве, купил пельмени. Ждал Германа напротив кинотеатра «Байкал», но он появился с другой стороны, из- за угла магазина, шел, как всегда чуть склонившись набок. Карман старой куртки, в которой он еще в институт ходил, оттягивала большая бутылка «Мартины». Я смотрел, как он идет, как бутылка тянет карман, и мне так стало жалко нас, всех приезжих в Москве.

— А я без машины, мужик. Меня лишили прав. У тебя нет прав?

— Какие права, Герман, смеёшься, что ли?

– А, ну да.

Он сел в кресло, смущенно осматривался. Я поставил пельмени.

– Так, мужик, я должен тебя предупредить, – он приподнялся, и подлокотник кресла остался в его руке. – Это клей ПВА нужен. Берешь ПВА и клеишь, – он установил подлокотник на место, и стукнул кулаком. – Значит так, я скоро напьюсь и скажу тебе: давай блядей позовем? А ты мне скажи: так, мужик, успокойся, не надо блядей.

– А как я пойму, что ты напился, Герман?

– На самом деле я и так уже пьян. Значит так, я скажу: давай блядей позовем, и еще начну по поводу и без повода говорить «цимес». Как услышишь «цимес», все, значит, я готов. Соня уже знает и смеется надо мной, особенно когда я хочу скрыть, что бухал.

– Ясно.

– Нет, я не буду, ты ешь сам, я дома поел.

– Ну, смотри, Герман.

– С Соней поругался. Пашку жалко, маленький еще, не понимает.

Было удивительно слышать это от Германа, он всегда скрывал все своё.

– Пашка меня поймет, конечно, но это сколько времени ждать придется?

Потом, как всегда, вспоминали общагу, и он говорил, что всех там имел, кого хотел.

Мне было радостно, что он пришел в такой тяжелый вечер, и я могу быть гостеприимным, приятно, что он смущенно осматривался, и даже приятно было, что он поссорился с Соней, и я от счастья льстил ему.

– Все-таки трудно мне понять женскую психологию, Герман.

– Я даже Корзунскую имел!

– Да ты что?!

– Ей-богу! Она у меня в рот брала.

– Дану?

– Точно тебе говорю, причем сама, точно тебе говорю!

– Корзунская?!

– Вот ей-богу! Я даже жениться на ней хотел.

– Слушай... да-а. Удивительно! Даже представить себе не могу.

– Причем весь цимес в том, что она сама от этого кончила, такое я видел первый раз в жизни.

– Кончила, когда в рот брала? Испытала оргазм, от того что...

– По идее, любое место, где есть слизистая, при трении может вызывать оргазм.

– Даже ноздри?!

– И ноздри, но это если только мизинцем трахать, что ли? А потом Соня появилась, и было полное ощущение судьбы... Пашку жалко.

– Представляешь, Герман, точно такой же ковер с оленями

висел у нас дома, в деревне.

– Да-а, точно. И у нас, ну там, дома, у бабушки в спальне, – он покачал головой и засмеялся. – Давай выпьем, брат.

Мы выпили. Было приятно молчать и чувствовать общность.

– А давай блядей позовём? Сюда можно?

– Герман, ты же сам говорил.

– Так, мужик, не пизди, ничего я не говорил!

Скулы приятно отяжелели, казалось, что губы набухли и вывернулись. В ногах появилась легкость, и руки летали рядом с телом, будто сами по себе. Я осмотрелся, не узнавая комнаты. Герман тоже осмотрел комнату.

– Газет нет? «МК» или «Из рук в руки» хотя бы? Там объявления насчет досуга.

Я искал. Даже заходил в пещеру, блуждал по коридорам, составленным из старых шкафов и шифоньеров.

– Это смешно, Герман! Нет ни клочка. Вот, правда, какая-то строительная газета.

– Не то, тут только про евроремонт объявления... Мне тоже надо ремонт делать. Придется на Тверскую ехать.

– Да ладно, не надо, Герман. Потом как-нибудь.

– Я же органайзер с собой специально взял, – сказал Герман. – А денег нет, придется домой ехать за деньгами.

Мне было так неловко, что у меня мало денег, что я вдобавок ко всему ему еще и должен. Я достал припрятанную бутылку шампанского.

– Новый год же наступил, Герман!

– Да, на горло.

Мы сидели и пили шампанское. Так хорошо было в комнате. Я думал, что он расхотел уже. Иногда в окно задувало, и на секунду был виден вал снежинок у черного стекла. Неужели расхотел?

– А она в очках у тебя в рот брала или нет?

– Кто?

– Ну ты говорил, что Корзунская у тебя брала?

– Не помню, сняла, наверное? Даже я не ожидал от нее, конечно... Ну, что, пойдем?

– Пойдем! – сказал я.

Странная неподвижность столбов, бетонных заборов. Прошли мимо брошенной «Волги». Дул какой-то мягкий, словно бы южный ветер.

– Тепло как! – крикнул я, отворачивая от ветра лицо и отплевывая снежинки.

– Тепло, ёптыть! – Герман почти пополам согнулся. Очки залепило снегом, он их снял, протер и нацепил, снова залепило, снял и несколько раз промахивался мимо кармана.

У меня был кураж. И я все оглядывался, чтобы найти какое-то приключение, чтобы развеселить еще кого-нибудь, но вокруг было тугое полотно снега, как на хлопчатобумажном комбинате.

Остановилась маленькая машинка, вся залепленная снегом. Герман договаривался с мужиком и предлагал какие-то

бешенные деньги.

– Это дорого, Герман, – дергал я его за рукав.

– Так, молчи, мужик! – сказал он. – Ну что, поедем, командир?!

Мы сели. Было уютно. Хрустели, скрипели и пищали дворники стеклоочистителя.

– Герман, ты что так дверью хлопаешь? У тебя дома холодильника нет? – смеялся я. – Так всегда говорят, да, товарищ? – спросил я у водителя.

– Просто двери тяжелые, – буднично сказал он.

Мы приехали. Герман вышел из машины и канул в снег. Сидели в тишине, под фонарем. Вокруг снежинки и тени от снежинок. Шорох вдоль бортов и на крыше.

– На Тверскую собрались! – сказал я.

– Понял уже.

– Это какой-то капитализм, бля!

Водитель закурил.

– Можно, я тоже? – и я закурил с невероятным наслаждением.

Появился Герман почему-то со своей собакой спаниелем. Он смотрел прямо на нас и не видел. Собака жалась у ног. Водитель моргнул фарами.

– Генка, в машину!

Генка был мокрый, с коротким и теплым язычком.

– Сказал, пойду с Генкой гулять. Всё, поехали, – сказал Герман, сурово блестя очками в темноте.

Проехали мимо старинного круглого здания, слева парк, справа Тимирязевская академия, это место всегда казалось мне мрачным и страшным, каким-то обособленным в Москве. Дорога была пустая. Впереди клубились снежинки, вспыхивали и бросались из стороны в сторону вслед за световыми раструбами.

– А я же из Алматы приехал, совсем недавно! Там вообще света нет, горячей воды, газ подают только на несколько часов в день, прикиньте? – я говорил так, будто Герман с водителем были незнакомые мне люди.

«Неужели мы купим проститутку?!»

– Она была актрисой и даже за кулисами играла роль а... – приятно светила в темноте панель автомагнитолы, и звучал голос певца.

– ...а мы его по морде чайником, а мы его по морде чайником, а мы его... Раздумываете, кому что подарить? Начните с Нескафе Классик... улыбайся с нашим радио... официальный курс доллара не изменился и на завтра составляет пять тысяч семьсот тридцать девять по курсу ММВБ... Че-е-ерный дракон не нарушай счастья за-акон, че-е-орный дракон...

– А вы классно водите машину! Уверенно так. А прикиньте, я один раз ловил частника, до общаги доехать, а остановились менты, ну и подвезли меня. Так я пока с ними ехал, всю свою жизнь вспомнил, родных, и раза три с ними со всеми простился, так они гнали! А всего-навсего какие-то «Жи-

гули», прикиньте!

– Так у них же движок форсированный.

– Лучше вот здесь проехать, я здесь всегда сворачиваю.

Генка, услышав голос Германа, упруго зашевелился в ногах.

Я вольготно развалился, раскинул руки по спинке, широко раздвигал колени и двигал бедрами.

...а ты опять се-егодня не пришла, а я так ждал, надеялся и верил, что... колокола и ты войдешь в распахнутые двери... – на блатной манер пел голос радио.

Головой я понимал всю примитивность мелодии и слов, но сердце откликалось на них и стонало от горя и счастливового предчувствия. «Это же я. Я в какой-то машине. Светятся огоньки. Куда-то еду в снежной ночи, и что-то будет с тобой, Степной барон»?

– Как поедem, от Белорусского?

Свернули в темный переулок и вдруг выскочили и уперлись в гигантскую стену света на Тверской. Повернули и наша машинка, извиваясь, проскользила в черной блестящей витрине. Елка на площади. Её не было видно, только огни фонариков и звезда наверху. Реклама MARTINI и DAEWOO дымилась от снежинок. Торцы сталинских домов подсвечены снизу сильными фонарями, и снег в их свете поднимался вверх, в небо. Разноцветные огни и полосы освещали салон, скользили по нашим головам, по моим синим рукам с надувшимися венами. Иногда Генка вспыхивал, си-

ял глазами и языком у моих ног и также резко исчезал.

«...что ла-ла-ла колокола, и ты войдешь в распахнутые двери... что ла-ла-ла колокола, и ты...»

– Слушайте, не может быть, это же капитализм какой-то?! – мне приятно было играть простака и наивно удивляться.

– Вот здесь остановись, – сказал Герман.

Генка, услышав голос, перелез к нему на колени. Остановились возле киоска. Кучка девушек.

– Стройся! – повеселевшим голосом крикнул Герман, и они вдвоем с Генкой высунулись из окна.

Широкое лицо толстой деловой женщины.

– Ой, девочки, они с собакой! – весело крикнула она в сторону.

– Ой, какая собачка! Как тебя зовут?

– Генка.

– Да не вас, а собачку.

– Генка!

– Может, вот эту девушку возьмете?

Подошла девушка, нагнулась и выставила отрешенное лицо. Она жевала.

– Нет, так не пойдет.

Герман передал мне Генку и вышел. Он о чем-то говорил с толстой, тепло одетой женщиной. Извивалось и хлопало сорванное рекламное полотнище.

– А она не кусается у вас? – подошла еще одна девушка,

она тоже жевала.

Водитель не ответил.

«...что ла-ла-ла колокола, и ты войдешь в распахнутые двери... что ла-ла-ла колокола, и ты...»

– Поехали дальше, – сказал Герман.

Мы тронулись. Я не удержал Генку, и он снова перелез к Герману.

– Вот здесь остановись.

– Вас сколько будет? – спросила другая толстая женщина.

– Трое вместе с собакой.

Она засмеялась.

– У нас девочки только от ста долларов. Вы сколько будете брать?

– Одну.

– Ой, смотрите, собака!

Подошли две девушки. Обе жуют.

– Возьмите нас двоих за сто пятьдесят.

– Генка, тебе нравятся эти? – спросил Герман.

Генка дружелюбно и радостно лизал девушкам руки.

– Может быть, вон ту маленькую возьмете? – вдруг сказал водитель. – Ничего так вроде?

– Где? Эта? Как она тебе, Анвар?

– Не знаю, Герман, сойдет, ты сам смотри.

Герман вышел вместе с Генкой договариваться. Девушки сутуло поднимались из подземного перехода и выстраивались в ряд, закрываясь ладошками от снега и ветра. Им было

холодно в легкой одежде.

– Это капитализм. Это капитализм...

– Поехали дальше.

– Смотрите-смотрите, клиенты с собакой! А она у вас тоже будет трахаться, ха-ха?!

– Генка, они тебе нравятся? Не-а, не нравятся.

– А чё?

– Он говорит, что ему не нравится!

– Ничё девочки? Чё не берете?

– А тебе как, Анвар?

– Вон та вон ничего, скромная такая, – снова сказал водитель.

Герман промолчал.

– Ой, бляха, Тань, смотри, здесь клиенты с собачкой!

– Ой, какая собачка, а ее можно погладить? Собачка, собачка.

– А она не кусается?

– У нас девочки по сто! Скидок не делаем, даже в честь праздника. Вон ту вон можно взять, Га-ал, подойди сюда!

От кучки отделилась замерзшая девушка. Она жевала, и было видно, что она шмыгает носом.

– Повернись, Гал.

Она повернулась.

– Ну как? Она нравится клиентам, жалоб не было. Просто гейша.

– Может, вон ту возьмем, Герман?

Я вдруг заметил, что ищу девушку, похожую на Асельку. Как-то автоматически, будто не желая изменять ей.

Мы остановились возле магазина «Дары моря».

– У нас все девочки хорошие, жалоб не было.

– А? Как ты, Анвар?

– Возьмите, не пожалеете. Еще приедете, вот увидите.

– Не знаю... а не скажете, кто вон та вон девушка по гороскопу?

– Что? Какая?

– В короткой белой куртке.

– Анжел, повернись, ты у нас кто по гороскопу? Ха-ха. Она не знает. А вам не пох? Кто? А? Телец? Она Телец.

– Ну как, Герман?

– А ты как?

– Или вот эту возьмите, которая сбоку, у нее грудь третий номер!

– Кто?

– Корнелия, повернись!

– Что-то не очень, а может быть, вы сами с нами поедете?

– Нет, я сегодня не работаю, то есть я работаю, но только со своим материалом.

– Как это?

– Решайте скорее, а то холодно.

– Нет, Генка не хочет тельцов, Корнелий, поехали дальше.

– Ну, смотрите, дальше будет только дороже.

Меня так удивляла эта простота, веселье и легкость про-

дажи, будто мы все сообща покупали кого-то третьего. Медленно ехали и останавливались везде, где они стояли. Герман выходил договариваться, рассматривал девушек, шутил с ними. Всерьез подбирал партнершу для Генки. Генка прыгал на колени девушек, ласкался, крутил хвостом. Девушки жевали, смеялись и заигрывали с ним, как простые люди. По Тверской шли иностранцы с красными лицами, с рюкзачками за спиной и смотрели на нас круглыми, детскими глазами сквозь круглые очки.

– Бля-аь, я не знал, – играл я. – Это капитализм.

Мы поехали дальше. Становилось все темнее и безлюднее. В темноте, возле машин напротив «Интуриста», стояла высокая черноволосая девушка в светлом и длинном шерстяном пальто.

Герман вышел и говорил с кем-то в заснеженной машине. Девушка не смотрела в нашу сторону.

Ничего уже не получится у него, нет никого.

– Все, Анвар, двигайся... Садись, – сказал Герман. – Все, можно ехать.

Я подвинулся, и она села ко мне, пытаясь как-то устроить свои длинные полные колени в черном, тонком и прозрачном. Вдруг установилась какая-то особенная тишина. Поток машин с сияющими и скользящими по ним огнями. В метели Большой театр, будто призрак, на секунду возникший из прошлого. Она заторможено и равнодушно жевала жвачку. Машина наполнилась приторным дешевым запахом. Я не

мог заговорить и только искоса посматривал на нее. В ее черных волосах паутинно блестели капли. Вспыхнула полоска на выпуклой нижней губе. Внутри меня все замирало в предощущении, мышцы рук вздрагивали.

— А как тебя зовут?

— ...ана, — неожиданно вяло, заторможенно.

— Анна?

— ...Яна, — недовольно, тяжелым и непослушным языком, двигая жвачку.

— Как? Яна?

— Да, — грубо сказала она.

— А ты откуда?

Она что-то пробубнила и раздраженно закрыла глаза, продолжая отрешенно жевать.

— А-а, с Украины.

Она открыла глаза, осмотрелась, медленно и тяжело поднимая и опуская веки. Снова закрыла. Челюсть ее двигалась. Густая тушь на длинных ресницах.

И я вдруг понял, что мы же ее купили, что это наша девушка, что я уже могу делать с нею то, что хочу, могу начать уже прямо здесь, в машине. Все просто. Я смело обхватил руками ее голову и повернул к себе. Она открыла глаза, недовольно и, словно не узнавая и не понимая, чего я хочу, нахмурилась, раздраженно вздохнула и хотела убрать мои руки. Быстро поцеловал ее и задохнулся, пораженный. У нее были необыкновенно большие и полные губы. Скользя,

гладкая и безвольная плоть заполнила собою весь мой рот, вообще не привыкший к таким размерам, показавшийся маленьким. И оттого, что губы ее были так вялы, они казались еще больше. Хотелось длить и длить этот момент, мять и перекатывать эти податливые словно бы целлулоидные валики, ласкать, упираться, охватывать и дотягиваться языком, продавливать и пробовать их зубами, посасывать это нечто, кажущееся уже отдельным от нее и от всего вокруг. Хотелось сглотнуть. И невозможно приятно было сочетание сладких губ, с ее синтетически сладким и свежим от жвачки дыханием.

Я отстранил ее голову с заторможенным взглядом и смотрел на ее тяжелые губы, как на некий музейный феномен. Складка делила нижнюю губу пополам, будто она треснула. Чудилось, что ее губы все еще шевелятся у меня во рту.

Потом я снова целовал ее, а правой рукой расстегивал пальто как-то слишком нагло, все еще боясь своих действий, не веря. Она недовольно и заторможено мычала и сопротивлялась. Казалось, ей просто тяжело выговаривать слова и двигать руками. Кроме белой мохеровой кофточки, черных узких трусиков и длинных тонких чулок, на ней ничего больше не было. И я представлял себе, как ей задувало снизу ветром и снежинками. Меня обжигала холодная, гладкая и нежная кожа живота, чуть более теплая, и еще более гладкая, нежная и липкая кожица ее ляжек. Я протискивал клин ладони, она сильно стиснула ноги, и я почувствовал эти ее

хрящики.

– Пусть он отстанет... что он... бя... скажите ему!

«...что ла-ла-ла колокола... что ла-ла-ла колокола, и ты...»

Было так странно, что мы сидели в машине. Какой-то мужчина склонился вперед. Это был водитель. Тихо играет музыка. Германа не было. Потом кто-то нагнулся и втиснулся на переднее сиденье. Оказывается, Герман уже отвел Генку домой, и вернулся, хлопнул дверью. Я как будто заснул. И очнулся не дома, а уже в другом сне.

Поехали, и я так ясно все видел. Метель немного утихла, сырой, блестящий асфальт. Задние огни машин горели особенно ярко, словно зерна граната.

Остановились у ночных киосков напротив пруда.

– Счастливо вам отдохнуть, – сказал водитель, стараясь как можно больше всего вложить в это простое пожелание.

Я купил в киоске «Смирновскую» водку, апельсиновый сок и нарезку.

– Только не нить! – тихо сказал мне Герман.

И я испугался.

– С двух сторон ее будем, в два смычка, да?

– Хорошо, Герман.

– А то бывает, не хочу, не могу, не нить. Вдвоем ее будем трахать, с двух сторон, – снова сказал он.

– Да, Герман, да.

Мне все казалось, что она сейчас весело скажет: ну все,

ребята, хватит прикалываться, спасибо вам, я пошла, увидимся. Или: спасибо, что подвезли, поздно уже, я пошла, увидимся. Или: до скорого, классный был фильм, особенно Джим Керри, я пошла, а то кто-нибудь там беспокоится, какой-нибудь Кеша, я же ему не позвонила. Но она, заторможено осматриваясь, хлопая ресницами, покорно ждала, потом шла с нами. Я внутренне общался с ней и замирал, подбирая смешные какие-нибудь факты. В подъезде странный свет. В коридоре валялась обувь диковинных существ. В пещере храпели. Я повесил ее пальто в шкаф на плечики. Невежливо сияли голые бока ее бедер над чулками. Она села на мою кровать, откинулась к стене и закрыла глаза.

– Давай выпьем, Герман, – сказал я.

Выпил залпом полстакана, чтобы унять дрожь. Пошел в ванну и снял теплые спортивные штаны.

Девушка будто спала и тяжело дышала.

– Странная она какая-то, Герман.

– Они ее таблетками накачали. Матушка, ты спишь, что ли? – он похлопал ее по щеке.

– Чё... чё надо? – грубо сказала она и мутно посмотрела на него.

– Давай еще выпьем, Герман?

– Мне чуть-чуть, мне уже хватит.

Я выпил и запил соком.

– А они мне ведь так и не заплатили за декабрь, Герман.

– Кто?!

– В журнале.

– А сколько они тебе положили?

– Триста долларов.

– Ты знаешь, что столько получает какая-нибудь секретарша. А остальное ей босс доплачивает.

– Ну а где я вот так сразу буду заместителем главного редактора?

– Это все херня, мужик, шел бы ты к нам, там у нас есть каталог...

Была особая сладость в этих наших разговорах, когда мы пили, и оба знали, что у нас впереди, и мы с особым наслаждением оба оттягивали этот момент.

Я понял самую главную радость от проститутки. Ты общаешься с хорошей девушкой такое долгое время, все пытаешься что-то из себя представить, мучительно боишься обидеть ее, потерять и вот приходит момент, тот самый день, когда и ты и она, вы оба уже знаете, что сегодня между вами произойдет это. В этот день ты особенно весел, и в сто раз лучше самого себя и даже того, кого ты пытался из себя представить, и даже, наверное, лучше, чем тебя сам бог задумывал, и ты все откладываешь ночь, и хочется сделать что-то такое, чтобы это было незабываемо, прекрасно. И еще ты особенно грустен, грустью какого-то предчувствия. А с проституткой этот момент наступает сразу. Отдал деньги и все. И ты можешь даже не прикасаться к ней, а только смаковать этот момент и отодвигать его хоть до самого утра.

– А сколько у них «Вип-охрана» уже издается?

– С год где-то, Герман.

– Если они за полгода не раскрутились, значит, журнал скоро загнется. Бросай ты это дело, мужик.

Вдруг кто-то захрапел. Мы оглянулись и засмеялись.

– Давай еще выпьем.

– Хули пить?! Матушка, вставай, – похлопал ее по щеке Герман.

– Работать, матушка, работать.

Он начал раздеваться. Я ушел на кухню и подергал свой член в темноте. Помочился в раковину.

Герман будил Яну, он был в одной водолазке. Светился его вялый член и светлые волосы.

– Матушка, работать... Ты что, не разделся еще?

Я ушел в туалет, подергал член, особенно маленький и сморщенный, как испуганный зверек перед своей занятой кем-то норкой.

– У тебя презервативы есть? – спросил Герман, переминаясь с ноги на ногу.

– Нет, – испугался я.

– Блядь... Матушка, у тебя презервативы должны быть. Матушка!

Она сонно покачала головой и отрицательно промычала.

– Вот блядь, проститутка! Посмотри у нее в пальто.

В одном кармане я нащупал упаковку с таблетками, жевательные резинки, а в другом лежали презервативы.

– Я же говорю, мужик.

Я выпил еще. Водка была как вода.

– Герман, это водка?

– Ну конечно водка, ёк макарёк!

Я ушел и разделся в ванной до трусов, подергал член.

«Отец, ты будешь сегодня работать или нет, а?»

Хотел выпить еще, но не стал. Хули пить, действительно. Яна храпела, Герман беспомощно склонился над ней, беспомощно посмотрел на меня.

– Вот блядь, а! – сказал он. – Если, бля, всё по любви, они наглеют до предела. А если переебать ей, у меня же самого не встанет тогда.

– А ну-ка иди сюда!

Я наступил одной ногой на кровать, рванул Яну и усадил. Резкими грубыми движениями, подбрасывая ее руки, дергая за волосы, стянул через болтающуюся голову кофту. Расстегнул лифчик. Бледные кончики холодных маленьких грудей вздрагивали вразнобой, красные полосы под ними от жестких косточек. Она мычала.

– Работать, матушка, работать, – суетился Герман.

Я перевернул ее на спину, приподнял и положил на колени. С каким-то наслаждением сдергивал ее трусики с обеих сторон, стягивал с бесконечных ног этот черный лохматый жгут, я хотел быть особенно грубым, агрессивным и умелым. Она мешала мне. Я хлопнул ее ладонью по белой большой половинке, зная уже, что Герману это понравится.

Яна замычала.

– Работать, матушка, работать, а ты что хотела?!

Наконец снял их и стал скручивать черные чулки. Казалось, что ее ноги состоят из трех частей.

– Не надо, оставь, оставь, так лучше!

Да, так было лучше. Черное красиво оттеняло белизну ее ног. В этих чулках она казалась особенно голой. Я видел, что Герман с благодарностью и уважением смотрит на меня.

Он забрался на кровать, прислонился к спинке и широко раздвинул колени. Я грубо подтянул Яну, одной рукой стянул свои трусы и встал сзади. Герман пододвинулся и прижал ее голову к себе.

– Работать, матушка, работать.

Я сильно сжал ее половинки, раздвинул их и жестко терся об нее своей пустотой, бился лбом и болтающимися холодными яйцами. Ее длинные волосы разметались и накрыли бедра Германа, голова по-кошачьи двигалась вверх-вниз. Я видел ее длинную шею с ложбинкой под затылком, заострившиеся плечи. У нее было дорогое тело, дороже, конечно, ста долларов. У меня никогда не было такой красивой девушки. И я понял, что мне не нравится ее тело проститутки, казавшееся особенно вялым, ватным, чужим и кукольно послушным. Она словно была одета в костюм женщины. Это тело можно было повернуть так или эдак, раздвинуть ноги, сдвинуть, перевернуть, повесить на пальцы елочные украшения, все, что угодно, но только не любить его. Она мучительно не

возбуждала меня. Я отстранился, сжал её лобок ладонью и приподнял.

Она дернулась и что-то хотела сказать с полным ртом. Я ласкал ее пальцами. Она снова дернулась и что-то промычала. Вырвала голову.

– Что он там делает? Пусть не делает, – задыхаясь, сказала она. – Мне не нада, бля-о...

Кисло пахло слюнями. Я толкнул ее к Герману, надавил, прогибая талию, и снова ласкал и ласкал ее. Она сжала длинными пальцами простынь, комкая и собирая ее. Она двигала ногами, приподнимала пятки. Видно было, что она хочет вытянуться. Я не знал, что мне еще сделать с нею, механически ласкал ее, толкая на Германа, и он дергался.

«...что ла-ла-ла колокола, и ты войдешь в распахнутые двери... что ла-ла-ла колокола, и ты...»

Я видел его странное, обмякшее и уставшее лицо, подслеповатые, будто бы удивленные глаза. Он сидел, широко расставив голые колени, и смотрел на меня с каким-то странным вызовом. Я снова терся об ее холодные выпуклости своей кожаной тряпочкой, подталкивал ее и равнодушно смотрел на то, отчего раньше просто бы задохнулся, поперхнулся бы кровью. Проклятье... Пятки ее увидел с жесткой, растрескавшейся кожей, и они были грязные. Из-за этих черных пяток мне так жалко стало ее, и еще от этого у меня вдруг отяжелело снизу, набрякло и приподнялось чуть-чуть. Я пропустил его в презерватив, сморщившийся, хрустящий,

широко раздвинул и просто вложил, чувствуя сквозь пленку только сухой жар ее влагалища. Она вздрогнула и промычала, я крепко сжал ее талию, потянул на себя, чувствуя, как он распрямляется в ней, и замер. Голова ее остановилась, она пошевелила бедрами. Я чуть отодвинулся и сильно вошел в нее, ударив своим лобком, они оба вздрогнули. Я понял, что это нравится Герману. Я сжимал ее все крепче, и входил все резче и грубее, все сильнее бросая ее на Германа. Ему нравилась моя сила и грубость, ему нравилось вздрагивать от моих ударов. А она все вытягивала и вытягивала из Германа этот бесконечный шланг. Я входил в нее все сильнее, приподнял ее громоздкую, голенастую ногу и грубо тыкал в нее сбоку. Я все бил и бил через этот странный переходник в Германа и смотрел, как он дергается и вздрагивает от моих ударов, а он смотрел на меня с вызовом и благодарностью.

Она сильно замычала, не останавливаясь, однообразно двигая головой вверх-вниз.

– Что, матушка? – сказал он. – Больно?

Она все клевала и клевала низ Германа. И я вдруг вместо нее почувствовал, как я ненавижу Германа.

– Теперь наоборот, – сказал он.

Мы поменялись местами, и я своим членом снова почувствовал и поразился, какие у нее большие мягкие губы. Она, наверное, даже не заметила, что поменялось что-то. Герман встал. Его блестящий член плавно водило из стороны в сторону, как куклу на ниточке. Он спешил, сжимал его одной

рукой, а другой теребил презерватив, надорвал упаковку зубами, он боялся, что за это время член опадет.

Герман попросил меня войти в нее и прижать к себе. Я почувствовал, какая у нее маленькая грудь и колючие соски. Герман задел пальцами мой член, потом задел яйца.

– Герман, ты в зад ее, что ли, хочешь?

Яна замычала и дернулась, я сильнее прижал ее.

– Герман, крем после бритья мой хотя бы возьми тогда, вон.

– Где?

– В первом ящике стола.

Он послушался меня. Он смазывал член и задевал меня пальцами.

– И у нее там смажь, смажь, тебе же лучше будет.

Он пытался войти в нее. Прицеливался. Вошел. Плечу моему стало горячо, и я услышал, что она плачет.

– Герман, не надо, она плачет, бля!

– Да они все плачут, вот сейчас переебу ее! – он снова задел мои яйца. – Ты в ней?

– Да, Герман, да!

Сквозь тонкую перепонку я чувствовал своим членом упругое движение Германа. Она всхлипывала.

– Ты тоже двигайся! – он снова задел мои яйца. – Ты в ней?

– Да.

Я тихо двигался и чувствовал через нее наше совместное

трение. Он смотрел на меня, как бы обозначая глазами, это наше соприкосновение сквозь ее тонкую стенку.

Он бился все сильнее, и мне становилось тесно в ее влажище, я просто держал его там. Она сильно вжималась в меня низом, чтобы как-то выскользнуть из-под Германа. Я ждал, когда он кончит. Она скользила между нами скомканным и потным мешком. «А он пьяный... Герман, когда же ты уже кончишь, бля, а?!»

– Ты тоже... тоже... трахай... её!

Он напряглся и снова опадал. Сжимал челюсти, катал желваки, кончики его волос мелко встряхивались. Пот капал со лба. Он быстро отирал лицо ладонью и снова надувался, и не мог. Кровать передвинулась и стала стучать об стол. Я поставил пальцы.

– Т-ты... тоже трахай ее! Ты в ней?

Он подталкивал свой зад рукою и не мог. Я вместо нее уже ждал и мучился, когда же он кончит.

– Кричи, кричи что-нибудь, – сказал я в ее ухо.

Но она молчала. Герман отвернул лицо, вена набухла и двигалась по шее... какая-то сила колотила его об нее, покривились губы, обнажая зубы... и он у него выскользнул. Дрожащей рукою, уже без всяких усилий... снова погрузился в нее. Его бросало на нее и снова отталкивало, его водило из стороны в сторону, пригибало к ее спине, а потом отклоняло назад, трясло его голову, напрягало и скручивало все его мышцы. Он опять стиснул челюсти и бил и бил, беско-

нечно приближаясь, нагоняя, и уже гримаса начала кривить и как-то расслаблять мышцы лица.

– Нога! Нога! – громко застонала она и стала выпрямлять ногу.

Герман отодвинулся и бил.

Она выпрастывала ногу, а он отодвигался, дергал ее за собой и снова припадал к ней. Я поймал и крепко сжал скользкую руку Германа, потянул на себя, будто Яны уже не было между нами. Он стукнулся об нее, стукнулся еще раз, уже мимо, уже неважно куда.

Его еще раз встряхнуло и убило.

Они оба лежали на мне, и казалось, даже не дышали. Сирена автомобильной сигнализации на улице. Кто-то стучал в дверь. Потом снова постучал. Тишина.

Герман откатился, отечески и как-то независимо, похлопал меня по руке. Долго пил сок. Потом ушел в туалет.

– А ты что, так и не собираешься кончать? – трезвым голосом вдруг спросила она.

– Я, наверное, перепил, – сказал я. – Не могу.

Пришел Герман.

– Короче, мужик, ты с ней делай что хочешь, а я спать.

Я выпил водки.

– Сок будешь? – спросил я у нее.

Она покачала головой, но все же взяла и отпила немного, а потом ушла в ванную. Я курил.

Герман лег на Димкину кровать. Я дал ему своё одеяло.

Ждал ее. Она вошла, высокая, с розовеющими сквозь черные пряди волос сосками, и у меня сжалось сердце. Легла. Я снял в шкафу свой плащ. Выключил свет, лег к ней и накрыл нас плащом. Я сжимал в пригоршне ее грудь и поедал ее губы.

– Зачем я тебя просто в метро не встретил? – шептал я. – Я тебя найду.

Она молчала. В темноте мне казалось, что я весь лежу на ее губах. Я дул на них, ласкал и исследовал языком их выпуклости и утончения, мягкие ребра и шероховатости, терся щекой и ухом, и снова поедал, пока язык и губы не потеряли осязания.

– Оставайся со мной?

Меня все же мучило, и я, крепко сжав ее руки, лег сверху. Оказывается, так неудобно все делать с этими длинными красивыми ногами. Она лежала безучастно, тяжело и презрительно, как ртуть, и я понял, что не кончу никогда, и не стал мучить себя и ее.

Она усмехнулась и мгновенно заснула, будто я нечаянно нажал какую-то кнопку на ней.

Тело ее пылало. Во сне она забыла, что она проститутка, что рядом чужой мужчина, который насиловал ее, она повернулась и положила на меня свою горячую, громоздкую ногу, а потом обняла, как самого любимого человека на земле. Я замер, животу было тяжело, но я боялся пошевелиться. Дыхание ровное, безмятежное и счастливое. Она что-то сказа-

ла. Я переспросил, а потом понял, что она во сне, и тихо засмеялся.

Просыпался от мучительной, невыносимой уже эрекции, и от ее длинной кисти на лобке, улыбался в темноте, радуясь, что впереди еще вся ночь и снова засыпал, с безмятежным счастьем путая времена и лица.

«А ты опять сегодня не пришла, а я так ждал, надеялся и верил, что зазвонят опять колокола, и ты войдешь в распахнутые двери». Было совсем светло, Герман вдруг резко сел на кровати. Волосы стояли пузырем на его голове. Он недоуменно осмотрел себя. И вспомнил. Мучительная гримаса искривила его лицо, серое, с мешками под глазами. Он обхватил руками голову, качнулся. И я увидел, что он любит Соню, любит своего маленького сына и Генку, и ему так плохо, что он поссорился, что он в чужой комнате, на чужой кровати, в одной водолазке и без трусов. Я закрыл глаза. Он, наверное, с отвращением посмотрел на нас, быстро одевался, звякал ремнем. Уходил, приходил. Замер. Я понял, что он не решается разбудить меня, и открыл глаза.

– Анвар, я пошел, ты сам с ней смотри, я пошел, позвони мне.

Я не стал ему предлагать чай и завтрак, видно было, что он не задержится здесь ни на секунду.

Он ушел. Вернулся.

– Денег ей на такси не давай, вообще спрячь деньги, если есть, – сказал он шепотом и ушел.

– Пока, Герман, спасибо тебе.

Потом я любовался очертаниями ее большого тела под моим плащом. Смотрел на ее пальто в моем гардеробе. За окном все в снегу. Снег был пышный и девственный. «А ты опять сегодня не пришла, а я так ждал, надеялся и верил, что зазвонят опять колокола, и ты войдешь в распахнутые двери». Песня с утра в голове. Поставил чайник. Хлеб, нарезка, меня подташнивало. Пошел в туалет, но вытошнить не смог. Почистил зубы. Она проснулась, глаза у нее были ясные. Она стеснялась меня.

– А кто там?

– Это хозяйева, не бойся.

– Ты что, комнату снимаешь, что ли?

Ей было неловко выйти, она обмоталась моим полотенцем, выглянула за дверь и выскользнула.

Потом она так и ходила обмотанная полотенцем. Мы пили чай, и было дико, что она проститутка и скоро уйдет. Я так много говорил и рассказывал ей, и все равно задыхался от переполнявших меня слов и историй. Она осматривала комнату, с фальшивым интересом прислушивалась и не скрывала своей насмешки надо мною, она все поняла про меня. Я спрашивал ее про их жизнь, терялся, как назвать, и называл их – «вы, женщины легкого поведения».

– Ты хочешь сказать, мы, бляди? – покривила она запекшиеся губы.

Теперь это была рядовая, меркантильная девушка, со

своим интересом в большом городе. И все же очень хотелось, чтоб она осталась. Она отерла большие губы ладонью. Осмотрела себя. Нашла трусики и чулки.

– Отвернись, я оденусь.

Потом я подал ей пальто.

– Дай мне денег на такси.

У меня оставалось только пятьдесят тысяч на жизнь. Я вспомнил Германа и автоматически сказал, что денег нет, очень мало.

Большие запекшиеся губы шевельнулись в усмешке.

– Я вчера кончила от тебя, – сказала она и посмотрела на меня мягкими глазами. – У меня такое первый раз с клиентом, а ведь это вредно для нашей блядской психологии.

«А ты опять сегодня не.....». Я просто пожал плечами.

– Можно, я твой телефон запишу? – попросила она.

И я дрожащей рукой написал на бумажном квадратике номер и свое имя. Потом перепроверил номер. Ошибки не было. Точно. Да. Не было.

– Номер, наверное, не тот записал? – она с мягкой, родственной усмешкой посмотрела на меня.

– Да ты что?!

Она бережно свернула бумажку и положила в карман. Я достал из плаща пятьдесят тысяч и вывернул перед ней все карманы.

– Это последние, точно!

– Спасибо, – сказала она.

Я открыл перед ней дверь и все не верил, что она уйдет. Она вышла на площадку, спустилась на три ступени вниз и обернулась:

– Думаете, это вы меня трахнули? Это я вас трахнула!

Я представлял, как она идет по улице и постепенно теряется в толпе.

Вся кровать, вся моя одежда и особенно плащ были в белых волосках от ее мохеровой кофты. Подушка пахла дешевым и приторным запахом. Жалко было ее красивого тела и грязных пяток, и долго еще жили у меня во рту ее полные сладкие губы и сладкий синтетически свежий запах жвачки.

Восемь

Одинокому так легко вставать ранним утром. Дрочил, подсчитывал в уме, сколько уже должен людям. И вставал.

Итого: Герман – 150 \$, Гази – 200 \$, Флюра – 400 тыс. руб., Магда – 100, Полина Д. – 100, Нелли – 50, Димка – 50, Валя – 30.

У этих утренних часов был свой особый привкус и запах. То ли так пахло в этой съемной квартире, то ли снег, мягко желтеющий за окном, привносил холод и запах тревоги, то ли так пахло мое одиночество и отсутствие будущего.

И работал я как-то отчаянно, будто из последних сил держался сам за себя обеими руками.

В метро удивился, что нужно идти в двери вагона. Ехал, и удивление вступало в мышцы от неизбежности цепной реакции – подъезжает поезд, открываются двери. Входишь, закрываются. Открываются, выходишь, закрываются. Все ищут, где сесть, и бросаются к свободному месту. Вдруг вспомнил, и рот наполнился ее губами, услышал ее свежий сладкий запах. У девушки напротив были красные, блестящие и жирные губы, словно на масле пожаренные. Наверное, у всех брюнеток такие губы, как будто вкусно смазанные маслом. Их бы еще кунжутом посыпать или маком. Она сцепила руки, по пальцам разбросаны красные сочные лепестки ногтей. На следующей остановке вошла толстая аппетитная

тетка. От нее так пахло ванилью, что я чуть не вышел следом за нею. Сглотнул. В желудке заурчало так громко, что я осмотрелся. Вроде бы не слышали. Внутри такой вакуум, что, кажется, меня сплющит, втянет голову внутрь. Сегодня ел только два куска хлеба у Гарника с Ксенией с утра, в офисе немного орешков и кофе. Столько выпил кофе, что кажется, будто и моча пахнет кофе. Слушал указания Нелли, и подташнивало, хотелось присесть. «Да, хорошо, Нелли, понял, сделаю... белье для беременных, тест в Институте сертификации по детским бутылочкам, ок, понял»...

– Анвар, голубчик, ты прости, что такая задержка с деньгами.

– Ничего, Нелли, зато я сижу в чистом и теплом офисе, в центре Москвы, и с этой работой я все забыл, я почти не вспоминаю Асель.

– Голубчик, шел бы ты домой...

Толстая аппетитная тетка открыла кошелек, и меня так удивили деньги, удивило, что они есть у людей. Это какой-то заговор против меня. Откуда у людей есть деньги? Это не деньги, а некие секретные карты. Если бы все, кто здесь едет, заплатили б мне по рублю, по десять рублей... Смотрел на фонари в метро, и слюны во рту становилось больше. Хотелось закурить. Вдруг почувствовал вкус и запах колбасы, будто отрыгнул. Девушка глянула.

Что же в ней похоже на Асель? Толстая верхняя губа. Не покрашенное лицо и от этого как бы укороченные ресницы

и подслеповатый блеск глаз. То, что она говорит с подругой, видит мой взгляд, и у нее немеет и кривится верхняя губа. А может быть, эти вечные весенние конопушки на носу? Эти как-то по-особому выпуклые щеки? Девушка достала книгу и... очки. Потрясающе, а может быть, это она? Это же Асель и есть. А разве что-то случилось? Ну да, притворились, что не знаем друг друга, сели в разных углах вагона, чтобы познакомиться заново, сдерживая смех, удивляя пассажиров, и сейчас мы познакомимся, рассмеёмся и дальше уже поедем вдвоем, к нам домой, и только у меня в душе на какое-то время задержится страх и, выходя вместе с ней из вагона, я оглянусь и вдруг увижу себя в электричке 1997 года, без денег, без работы, регистрации, и без Асель, с этими вот мыслями в голове.

На «Петровско-Разумовской» стоял возле киоска с курицей гриль. В Москве всегда возле еды восточные люди. Они какие-то масляные и будто прожаренные или прокопченные, с добрыми, сытыми и сонными лицами. Доехал на автобусе до «Байкала». Вдруг запах шашлыка, особенно острый и кислый из-за снежинок в воздухе. Пластиковые пакеты у женщин в толстой зимней одежде. Москвичи так много и вкусно едят! Откуда у людей деньги? Ведь никто ничего не делает, закрываются заводы и фабрики, но один за другим открываются рынки, все время говорят о каком-то среднем классе, который вот-вот появится в России и это станет спасением для всех. Какие-то люди начинают верить, что это

они средний класс, это их греет. Все это рухнет когда-нибудь все равно. Как может появиться что-то, когда никто ничего не делает, а только продают друг другу на рынках китайские и турецкие товары. Всё думал-думал, и оказывалось, что у человечества есть только нефть. Долго смотрел на освещенные витрины киосков. «Вот бы мне эти „Суперчипсы“ и эти „Чипсы со вкусом сыра и лука“ тоже мне. „Чипсы картофельные со вкусом сметаны, укропа и бекона“, тоже было бы неплохо, хотя и не наешься, конечно. Что там, чипсы какие-то? А вот, смотри, „Рулет 7 Days“, это, конечно, с утра хорошо, с кофейком. Миндаль жареный. А у этих „Рыба-песчанка“, „Кольца кальмара“, ты их не любишь, правда, но сейчас бы съел, точно съел бы. Нужна тебе эта рыба?! Смотри, какой бекон, перетянутый сеточкой, так, что образуются на мясе выпуклые ромбики, да-а. Какая сочная колбасная нарезка! Это же химия все, ты же знаешь! Да какая разница. Прямо почувствовал на языке тонкий ломтик. Заварить кипятком вот эту китайскую лапшу в стаканчике, приправить китайскими специями из прозрачных пакетиков, подождать, пока разбухнет и есть вот с этой нарезкой, да-а. Зачем она берет этот торт? Простой, слоенный вафельный торт, им же не наешься? Взяла бы лучше этот бекон. Я бы, конечно, этот бекон взял на ее месте. Сладкий сухой тортик, он уже небось просроченный. Ла-адно, ты бы и этот тортик сожрал с удовольствием. Мог бы я так делать: раз, щелчок пальцами, и сумки этой женщины оказываются у меня в руках, а она во-

обще ничего не замечает. Или, раз, и кошелек этого мужика у меня в кармане. Прямо почувствовал, как оттопыривается карман и колет грудь. Да-а. Может, и вправду этот кошелек уже у меня в кармане... нет, конечно. Это было бы чудом. Да-а. Какая золотая и жирная скумбрия! А сколько этой скумбрии плавает в океане просто так?! А здесь специально устраивают дефицит и завышают цены. А где-то ее так много, что на нее смотреть не могут».

Я стоял и всё перекатывал пальцами, переваривал в кармане холодную копейку, и рот от этого наполнялся слюной.

Что за манера сучья пошла – денег людям не платить за работу?! Получу зарплату и скажу: «Спасибо, Юрий Владимирович, разменяйте ее по доллару, сверните в трубочку и по очереди вставьте в свой хитрый зад».

Пидор. Дать ему в торец с самого утра. Вообще все деньги за три месяца потеряешь. А он еще и рукопашник! Ну что за пидоры, а?..

Внутри все дрожало, руки и ноги казались необыкновенно легкими и тоже подергивались. Закурил, чтобы хоть немного унять голод.

Вдруг я резко вспотел и почувствовал, как течет холодный пот по ложбинке спины. У меня онемели руки и ноги, как будто кто-то потихоньку собирал меня внутрь тела, в маленькую точку. Онемела и похолодела кожа головы, неприятно онемело все тело, подташнивало. Мне становилось все хуже и хуже, я испугался. Тело мокрое, а рот сухой. И вдруг снег

начал чернеть в моих глазах, а шум машин становился все тише, глуше и наступила полная тишина, мужчина у киоска немо открывал рот, беззвучно смеялся – и он, и весь мир вокруг пульсировал под стук моего сердца. Я почувствовал во рту свой обездвиженный цинковый язык, громадные зубы и увидел множество черных пирамид. Стена покосилась и стукнула меня в голову, я услышал посторонний звук удара, и все еще стоял, но киоск был надо мной. Я лежал на снегу между киосками. Потом из темноты появился милиционер, он зачем-то потыкал меня дубинкой, открыл рот, нагнулся ко мне и снова открыл рот, а потом ушел. Я поджал ноги, так было легче. Я не увидел в рукавах своих рук – кисти так побелели, что их невидно на белом снегу. Сел и долго о чем-то думал. Видел ноги идущих мимо людей. Чьи-то сумки с неприятной едой. Рука стеклянно лежала на снегу, и в то же время я вдруг почувствовал ее на небритом подбородке. Издалека приближался гуд машин, грохот все усиливался, будто медленно открывали дверь. И я снова почувствовал волосы на голове, и вдруг вдохнул ртом новый свежий воздух.

Промозгло горели огни витрин и фары машин, сиял зимний проснеженный воздух, людская толчея, и я вдруг почувствовал эту ясную усталость в душе от невозможности продолжать дальше бессмысленную жизнь. Я радостно вздохнул, не слыша в себе никакого страха, и удивленно посмотрел перед собой. Обстоятельства с равнодушным самурайским упорством готовили, настраивали меня на смерть. Про-

шел к остановке, прислонился к железу и часто вздыхал, ленись продолжать свое существование и тоскуя от этого.

Хотелось возвращаться домой другим путем, казалось, что если поеду другим путем, то обязательно встречу девушку своей судьбы. Руки стекленеют от холода. На столбе трепещет и журчит, как пропеллер, оторванный уголок объявления.

Ночью позвонила женщина, будто специально ошиблась номером. Оказалось, что еще только десять часов и звали ее Надежда.

Девять

Зная, что будет этим вечером, занял денег у Нелли, выпил своего энергетического напитка, зеленую баночку джин-тоника, зажевал жвачкой. Она, также как и в первый раз, ждала меня на остановке – Надежда с испуганной надеждой. Купил Чинзано и рулет в киоске. Ей было неловко, что я трачусь. Она все оборачивалась, словно бы ждала кого-то еще.

Дома она сняла только куртку. Пил я один.

– Я не буду пить, – сказала она. – У меня трахеонелёз, еще заразитесь от стакана, Андрей.

– День святого Валентина сегодня.

– Может, совсем чуток, я потом вымою стакан с содой.

– За любовь и надежду! – солгал потерянный и чужой мужчина во мне.

– Да-а... да-а... А я ведь ветеринаром работала, здесь, в Тимирязевке, – задыхаясь, сказала она.

– Интересно.

Она встала и ткнула в брюхо лося на советском коврике.

– Прямо из бока у него торчала фистула, вот здесь. У него льется, а я подкручиваю, у него кап-капает, а я подкручиваю.

Ей не хватало воздуха.

«Надо сказать: Вы волнуетесь? А потом погасить свет».

– Мне жалко так было из-за болтов этих...

– Вы волнуетесь, Надя?

– Што?

– Вы волнуетесь, Надя?

– Да.

– Я тоже, – сказал я и потушил свет.

Присел и расшнуровывал ее сапожки в темноте.

– У меня чесотка от дочери... нет-нет, Андрей, я не дам целовать в губы, у меня трахеонелёз.

Я раздел ее. Трусы неожиданно большого размера. У неё было удивительно, застарело жесткое тело, как хоккейная шайба, обтянутая женской кожей, даже попа и маленькая грудь. От нее пахло мамой. Я знал, что ей понравится моя сила, поднял ее, и положил на кровать. Она была так испугана и беззащитна, что у меня сразу встал. Глядя на нее и едва слушая ее слова, я почему-то думал, что там у нее холодно и сыро, как у морской селедки. Но там у нее было все как у всех. Я крепко сжал ее голову и сильно поцеловал в губы, мне нужно было замкнуть круг, мне не хватало ее губ. Она вначале сжимала их, втягивала внутрь, а потом отдала. Ее удивляло, что я по-разному вхожу в нее, сзади и даже сбоку, будто они никогда так не делали с мужем.

– Ой, сколько время, уже поздно. Вы так долго... ох... Андрей... ой, мама... Андрей, я устала. Вы долго... дочка...

Я кончил на ее большой живот, она радостно вздохнула и хозяйственно размазала все по себе.

– Пусть подсохнет, это полезно.

Я тихо лежал за ее большой спиной, у стенки. Мел снег,

возле окна сонно, плавно, а в свете фонаря упруго и стремительно. Он шуршал в сухих «вертолетиках» клена. Громоздкий и гулкий звук самолета высоко в небе. В пещере играли в карты и монотонно разговаривали, иногда взрывалась аплодисментами и криками передача «Поле чудес». Мне казалось, что я лежу где-то в богом забытой глуши, с чужой, никому не нужной женщиной в годах, и я уже не я, а какой-то Андрей, недалекий и уже родной этой женщине, а моя Аселька где-то в ослепительном Центре, среди молодых, перспективных и веселых людей, и она вдруг на мгновение вспомнила обо всем нашем с грустью, сожалением и радостью, что все кончено. Уехать далеко, покончить с собою потихому, спрятать себя, чтоб никто не узнал, что ты проиграл и сдался.

– Лежишь?!

– А что делать?

– Я ничего, так... Андрей, прыгать хочется!

Голая, сидит рядом. Искоса, как-то ненароком, боясь обидеть, осматривает меня. Одинокие женщины особенно остро боятся заразиться.

– Что ты его все изучаешь?

– Интересно! Мне так было хорошо, у меня так первый раз в жизни, Андрей, правда... я не верила.

– Да ну? У тебя, рожавшей женщины?

– У мужа был большой, и мне было больно всегда.

– Очень большой?

– Да-а. И я только боялась, что снова будет больно.

– Надо же?!

.....

– Неужели так и есть, что смысла нет?

– Что, Надь?

– Шесть ящиков соберешь если, то давали ведро черешни, я ее продавала, килограмм за два рубля пятьдесят копеек. Потом с мамой работала, она была проводником вагона Севастополь – Москва. Летом отдыхали с ней в Ильичевске, там только директора отдыхали – мужики пузатые, как будто беременные или арбуз съели, несут живот в море и плюют туда. А в Севастополе ходила на танцы, там было два училища, Голландия и Нахимовское. Голландия лучше, конечно. Тетка мне говорила: не дружи с первым курсом, Надюш, их еще долго ждать, когда они окончат, а с четвертым или пятым. Они когда заканчивали, получали китель и фуражку... Но я не захотела ехать на Север, а сейчас думаю, что, может, и не судьба, а пигалицы, вот такие ручки, что она там настряпает этими ручками, выходили за таких статных парней.

Затаила дыхание и осторожно, словно боясь, что я ее ударю, положила ладонь на мой член. Прислушалась ко мне. Поддержала его в кулаке, потом сжимала пальцами, исследовала, потом перекачивала яйца, словно удивляясь им, и не веря,

что ей разрешают делать все это. Её маленькая рука вспомнила давно забытые ощущения. Она приподнялась и внимательно посмотрела на него, будто что-то такое увидела.

– Что там? – спросил я.

– Ху-уй, – тонко и радостно пропела она.

Расстались, как два человека, случайно разговорившиеся в привокзальном буфете. Или она приходила делать социологический опрос неудачника?

Мне было уютно, как это бывает только в квартирах алкоголиков, когда ветрено и холодно за окном, когда понимаешь, как хрупка и бессмысленна твоя жизнь, и когда кажется, что эти обшарпанные стены, хромы диваны и облупленные трубы начинают сиять грустным светом беспомощного сочувствия и любви к тебе и твоему состоянию.

Десять

Какого-то хрена сижу в малом зале ЦДЛ, какого-то хрена слушаю чей-то бред. Куда только не пойдешь, что только не сделаешь из-за одиночества.

Здесь я читал свой рассказ, меня видел Серафимыч, ему понравилось, но он так и не подошел в тот вечер, сказал, что стеснялся своего старого пальто.

В носу так щиплет, может, действительно выпить, выжечь микробы внутренним жаром. Она бы смеялась надо мной, конечно, если бы знала, что я здесь сижу. Все красное почему-то. Это давление крови в глазах.

Я вышел и сразу увидел их, они все стояли вокруг Эммы Бурдаковой: Артемий, Гарник, Нелли и Юрий Владимирович, с барсеткой под мышкой.

– Вот, Эмма Рахатовна, это Юрий Владимирович, о котором я вам рассказывала, – с какой-то странной иронией на лице говорила Нелли. – Директор и владелец нашего издательского дома «Хармор».

Юрий Владимирович заранее уже смущался, переминался с ноги на ногу.

– Да, здравствуйте, очень рад! – тихо сказал он и услужливо подался к ней. – Юра.

От смущения он покраснел, и ярче стали видны его редкие светлые волосы. Он застенчиво улыбался, обнажая свои

белые крепкие зубы, и все поправлял под мышкой толстую барсетку.

Эмма Бурдакова была похожа на стареющего покрашенного гомосексуалиста в женской одежде. Она изогнула нарисованную бровь и медленно подала свою крупную жилистую руку. Одного, в меру равнодушного и недолгого взгляда хватило ей, чтобы все понять про Юрия Владимировича Воробьева и Нелли. Нелли с радостью сообщницы поймала этот её взгляд уже на излёте.

Артемий стоял рядом и тоже чувствовал себя сообщником, а потом мило общался с Нелли, тусовались, как мало-знакомые люди. И я как-то растерялся, неловко стало перед ними, я не смог бы также общаться с Аселькой, я даже в глаза ей не смог бы смотреть.

Спустился в дешевое кафе в подвале. В сигаретном дыму плавали, переходили от столика к столику и пили за что-то разные личности. Взял пятьдесят грамм «Гжелки» и выпил.

«Когда я был бездарным, я ходил пить в кафе ЦДЛ», – сказал я этому журналисту внутри себя.

«Почему?» – он сделал вид, что не понял, это их блядская журналистская привычка.

«Сейчас выпью и скажу».

«Хорошо, я подожду».

«Жди, хули».

Я взял еще сто грамм водки, выпил половину, накопил слюну во рту и сглотнул, чтобы снять жжение, закурил.

Пьяный старый пердун целует женщине ручку. А она те-
рется, ей неловко. А он все ловит ее ручку и размазывает
по ней водочно-розовые губы. Это вечная блядская ЦДЛ-ов-
ская манера, как бы утонченная.

Длинный, небритый мужик рассказывал двум неопреде-
ленного возраста женщинам, что он продал немцам сцена-
рий фильма. Они курили и, щурясь, выпускали дым. Вот уже
час он это рассказывает.

Странно было сидеть внутри своего горячего тела, и гул
голосов и пьяные крики доносились издалека, мягкими вол-
нами. Я поскреб щеку, а показалось, что кто-то снаружи по-
скреб бочку, в которой я сижу.

Черноволосый мужчина в белой рубашке склонялся над
столами и агрессивно требовал налить ему. Если подойдет
ко мне, я молча пну его ногой, представил, как пну, и снова
выпил.

Черная, страшная старушка сидела в углу и курила, щуря
глаз.

Нет ни одной молодой девушки. Даже барменша, и та ста-
рая. Это тоже показатель. Показатель неуспеха. А где мой
журналист? Ушел.

– Ты чего здесь сидишь? – удивилась Нелли.

– Так, слоганы для Билайн придумываю.

– Не понимаю... Я же говорила тебе, что мы с Юрой будем
ждать тебя в Пестром зале.

– Да? Вообще не помню.

И я пошел в Пестрый зал. Когда-то это тоже было дешевое кафе, и поэты писали прямо на стенах свои строки. Потом эти поэты прославились и попали в учебники по советской литературе, потом ушлые бизнесмены сделали дорогой ремонт, обвели золотом пьяные строки на стенах, ставшие теперь ценными советскими брендами, и все стало очень дорого, и другим писателям сюда уже не попасть. Теперь за стойкой бара сидел и смущался Юрий Владимирович, а рядом с ним Нелли. Ненавязчивый молодой бармен в белой рубашке перетирал бокалы, а ему больше делать было нечего, не онанировать же.

– А я не пошел сюда, здесь же дорого, – сказал я.

– Ничего, – смущенно заулыбался Юрий Владимирович.

– Анвар, давай выберем какой-нибудь коктейль? – предложила Нелли.

– Б-52, сразу скажу, я его еще ни разу не пробовал.

– Ну и я тогда тоже, – обрадовалась Нелли. – Юр, ты как?

– Я пас.

В полумраке бара приглушенно сияли и сверкали бокалы, хромированные ручки большой, антикварной кофейной машины из Америки. Знойный запах кофе, будто спрессованный жар бразильских плантаций. Сбоку, в глубине зала люди за столиками. Серебряными рыбками вздрагивали по потолку блики от вилок и ножей. И я понял, что писателей больше нигде не осталось, все продано и здесь сидят одни покупатели, в карманах у которых только бумажки с малолитератур-

ным текстом. Сидят и ждут чего-то. Чего-то божественного, наверное, драматичного. А ничего же не будет.

Передо мной появились две стопки с бурой жидкостью и пенкой. Руки бармена щелкали над ними зажигалкой. Обычная зажигалка «Крикет». Непорядок, бля. Над стопками, отрываясь и снова припадая к ним, колыхался бесплотный, синий язычок.

– Соломинки? – Глаза бармена вопрошали, на всякий случай. Вдруг мы мазохисты и пьем без трубочек.

Он был более бармен, чем бармен на самом деле, он прикидывал, каким должен быть бармен, он подражал бармену, которого видел в каком-нибудь идеологическом фильме про западную жизнь, и поэтому, конечно, был совсем не бармен, а бывший комсомолец или пионер. А я прикидывал, каким должен быть журналист. А здесь кругом сидели одни подражатели, одни «как бы». Пили кофе, курили, и им было особенно приятно и уютно оттого, что за стеной нищая зимняя страна. Все они, бывшие неподкупные советские люди, вдруг разом открыли для себя философию продажи, силу денег, и одни вольготно чувствовали себя хозяевами, будто всю жизнь ими были, другие уважали их за все худшее, что может быть в человеке, и были счастливы мстить своей советской неподкупности, и с наслаждением первооткрывателей продавались и верили в свое лучшее капиталистическое будущее. В общем, все делали все, чтобы действительно не было жаль за бесцельно прожитые годы.

Журналист (иронично): Если Вы такой умный, почему такой бедный?

– Ребята, а у меня водка внутри не загорится?

– Юр?

– Надо быстро, раз и все.

– Боюсь.

– Это не страшно, Нель, – улыбнулся Юрий Владимирович и посмотрел на меня, ему было неловко, словно я сейчас увижу что-то, чего мне не нужно видеть. – Я не могу показать, потому что придется выпить тогда. Пей.

– Тянем через соломинку и все.

Я сильно потянул. Вкусно и, конечно, не так крепко, как я об этом слышал. И мало, конечно, хотя так дорого. На донышке еще мерцал, крутился синий пузырьёк.

– Ну как тебе, Анвар?

– Ничего, Нелли, скоро взлечу, и буду бомбить.

– Устал, Юр? – спросила Нелли.

– Ничего, нормально, – сказал Юрий Владимирович.

– Сегодня тиражи пришли, и они вдвоем с Борисом, братом, таскали эти кипы по лестнице на четвертый этаж, – жаловалась мне Нелли.

– Ничего, – смущенно улыбался он. – Для нас это как разминка, и деньги сэкономили. Борис все плакался, а я ему – таскай, давай.

– Он у вас другой, конечно, хозяйственный мужичок, а ты романтик.

Они говорили между собой, как родные люди. А я сидел и вел себя, как приличный человек. Бармен тоже вел себя, как приличный человек, и всем видом говорил: да, я ненавязчив, но доступен. И самое удивительное, что мне была приятна эта волна, которая шла от обаятельного, застенчивого лица Юрия Владимировича.

– Жаль, что я не могу угостить вас коктейлем, – вдруг сказал я. – Вернее, я могу вас угостить чем-то, но мне тогда не хватит на метро.

– Ничего, расслабься, – сказал Юра.

– Ой, смешно, Анвар напился, – Нелли захлопала в ладоши.

Оставила ладони сжатыми у груди и смотрела на меня. Глаза у нее блестели. Я не чувствовал себя пьяным, только грустным.

– Кто, я пьян?! Я могу тест... нет, здесь не буду.

Мне стало хорошо, и я хотел рассказать Нелли что-то веселое, чтобы она хохотала, а я бы сидел и улыбался, простой такой чувак. Юре было бы приятно, он любит простых таких чуваков. Но не мог ничего вспомнить. Такая упертая пустота в голове.

– Пойдем, уже, ты как? – Юра с пидорской вежливостью посмотрел на Нелли.

– Пойдем, Анвар? – Она всегда так трогательно выговаривала «р-р», что ее хотелось обнять.

Он расплачивался.

– Товарищ бармен, а у вас коктейли из жидкого золота что...

Нелли зажала мне рот ладонью и засмеялась, а у меня вздрогнуло сердце.

Мы вышли на улицу. Юрий Владимирович вытянул руку. Пикнула невидная в темноте машина, было слышно, как открылись замки.

– Ну пока, Анвар, голубчик, – сказала Нелли. – Смотри, не буянь...

Он крепко пожал мне руку. У него странно короткие пальцы. Когда сжимаешь его руку, такое чувство, будто у него пальцы отрублены наполовину.

Они сели в машину. Длинная представительская «БМВ». Я посмотрел на них. У них радость была впереди, а у меня позади.

«Поэтому они и не подвезут тебя, потому что Юре надо спешить к жене в Солнцево, Нелли – к Лефтереву на Савеловском, а до этого им еще нужно потрахаться в этом красивом, просторном салоне, на кожаных сиденьях», – сказал мне журналист.

«Неужели это так? А может, и нет, сейчас по дороге, другими уже голосами, будут обсуждать журнальные дела, и Нелли будет нервничать. А потом он поедет в свое Солнцево, к жене и дочкам, а она, в своих дешевых, детского размера кроссовках, пойдет к Лефтереву, но все равно грустно как-то», – ответил я.

Я шел, и это нарастало в моей душе. Стоял каленый, каторжный мороз. Снег визжал под ногами так громко, что казалось, кто-то большой идет мне навстречу, и я слышу его шаги, а потом эхо его шагов. Я перешел на другую сторону и дошел до конца улицы Герцена. Проносились машины по Садовому кольцу, ночью, в мороз, они сияли особенно ярко. Я остановился в темноте, у старинного дома светилось маленькое зарешеченное окно. И это случилось со мной возле этого дома. Я стоял и смотрел на него. Это был дом. Мне никогда в жизни не было так плохо, как возле этого старинного и как-то по-старинному заснеженного дома в конце улицы Герцена. Никогда в жизни не было так пусто и безысходно на душе, как после этого вечера и возле этого дома, это была физическая боль. И я засмеялся. Потом замолчал. Я попался. Выхода не было. Я смотрел на него, как на мучительную загадку, на это тусклое окно. Я знал, что нужно что-то сделать, чтобы это кончилось, завершилось. Я не хотел идти домой, но и не знал, что мне делать, и все стоял возле этого дома. Я не хочу обратно, там мне станет еще хуже, ты умрешь там среди этих поэтов. Я не хочу домой, там мне тоже станет еще хуже. Если я сейчас сделаю хотя бы шаг, я буду рыгать. Я буду плевать, я буду пить, курить, я буду долго дрочить, но легче мне уже не станет, что сделать против пустоты? Дом давил и бесконечно заваливался на меня своим круглым углом, он зависал надо мною, кренился и заходил то с одной стороны, то с другой, выгибался скобой вокруг

меня. Он открыл мне весь ужас моего положения, мучил и не отпускал от себя. Я сел, скорчился и застонал. Услышал хохот и громкий говор. Две девушки, не заметили. Видимо, что-то случилось со мной, как будто я стал прозрачным для всех женщин, будто закончился во мне какой-то пигмент, и я стал мужчиной-невидимкой, даже без ферромонного запаха.

Исчезли, будто их умыкнули. Я встал, также сияли, наливались светом, вспыхивали и пролетали машины по проспекту, снова вспыхивали. Также заиндевелось светила в высоком черном небе сталинская высотка. И также стоял за спиной этот ужасный каменный старик... и вот только после этого, потом я потащил себя вперед, склонившись набок и вжав голову в плечи, с ужасом ожидая спиной еще чего-нибудь. Ноги подкосились, сел посреди проспекта, и мне сразу стало тепло.

Два мента трогали меня дубинками, и я понял, что это мои ангелы взмахивают крыльями и влекут к метро.

Как сильно я замерз снаружи и как мне жарко внутри, все органы вспотели, наверное. Когда пьяный еду домой, так всегда надеюсь, что Асель ждет меня. Иногда шевелил губами и пожимал плечами, разговаривая с ней, за нее задавая вопросы самому себе.

– Анвар, а как электричка в метро снимает электричество с рельс?

– Не знаю, Аселька.

Доехал до Петровско-Разумовской, пустой «стаканчик» у

эскалатора. Запоздалые люди в каком-то ужасе разбежались от метро в темноту. В ночном автобусе сильно прижался головой к заиндевевшему окну. Автобус пустой, казалось, что даже водителя в нем нет. Почувствовал, как холодно голове, и вдруг ужаснулся. По-настоящему ужаснулся, что у меня была Асель – моя жена. Пытался ее себе представить и не мог. Не мог представить, что у меня нет Асель, будто увидел самого себя в зеркале и удивился, что я есть, и я – это я, и я проживаю свою жизнь. Только когда выпью, тогда вылезает наружу весь мой трезвый бред: что мы не любили друг друга, что это была нелепая общажная встреча, что необходимо было расстаться, только, когда пьяный, признаюсь самому себе, как я любил ее и как мне сейчас плохо и как безысходно там, куда везет меня случайный автобус.

Потом думал о Нелли, как бы у нас все было хорошо, как мы помогали бы друг другу. А ей почему-то стало так неловко, она покраснела и сказала: «Вернулась». Нет, это удивительно – Асель вернулась. Причем она искала меня в общежитии. Я так и представил по ее рассказам, как она металась возле нашей бывшей 412-й комнаты. Только Асель может так метаться, будто случилось что-то страшное или случится в будущем, если она быстро не найдет меня. Мы встретились с ней в общежитии, и она прятала от меня свои глаза, говорила про маму, что-то утешительное для меня, а я заплакал и счастливо тер лицо занавеской. Потом у нас было это. И я снова узнавал ее тело, и меня потрясал сухой жар и бархат ее

кожи, будто тугие струи нежного песка. Причем возникло то самое недовольство от нее, и то, что я узнал его, вспомнил, было очень приятно. Нас вспугнула мама, я убежал в спальню этого дома и боялся спиной.

И даже когда я проснулся, то долго еще видел свою спину в этой спальне, и долго-долго мне еще было хорошо, и я был счастлив.

Ночь особенно темна перед рассветом. Дворник заскреб лопатой.

Решил больше не вставать. Юрка живет только ради дозы, это его энергия. А я жил пустыми надеждами, какой я писатель, какой муж?! Нищий бездарь, с детства запрограммированный на жалкое колхозное существование. Ну и что? А кто тебе сказал, что должно быть хорошо? Удивительно, откуда у меня эта уверенность, что все должно быть хорошо? И я вдруг понял, что я все придумывал о себе, и даже то, что мне плохо, это я тоже придумывал, а теперь мне действительно пришел пиздец натуральный. И будет только хуже. Еще и времена эти совпали со мной. Так меня хотя бы на комсомольском собрании обругали бы. Зажигались и гасли окна в доме напротив. Вот, снова горят отдельными квадратами сквозь ветви деревьев. Люстры разные, а свет одинаковый. Оторванная телефонная трубка болтается на ветке. Разъезжаются и съезжаются машины. Пьющий мужчина с батоном хлеба в целлофановом пакете. Странное и такое быстрое зимнее время, только рассвет и сумерки. Неужели в

этой щели в стене нет хотя бы десяти рублей, или в этой дырке, какая-нибудь мышка могла утащить туда пятьдесят долларов, или вот под этим отставшим уголком старых обоев. И вдруг удивился, даже привстал, что такая большая Москва и все-все в ней есть, но невозможно найти денег. Удивительно, что они нигде не валяются. Точно нигде их не найти. С утра и днем смотрел на ветви деревьев, на которых болтались чьи-то старые, порванные штаны, пакеты, еще какая-то тряпка. Как же я умудрялся жить все время до этого? Снова ворочать эти будущие дни, как свинцовые валуны. А зачем? Ртуть и свинец вступали в кровь и немели ноги, все кажется отдельным и тяжелым, подгибается рука. В голове плоские воспоминания, картинки из жизни и телевизора, а зачем все это? Дворник скребёт лопатой уже где-то далеко. Женщина маячила у окна, ходила по кухне, открывала дверь холодильника. Хорошо было бы подойти к стене и вдруг отлепить от нее сто тысяч. Положить ладонь и ждать, когда под ней выпукнется купюра.

Устаешь жить бесплатно. Какой-то я лишний во всем. Зачем ты меня сделал, бог?

Онанировал на телевизор, кое-как спустил и вдруг от голода и горечи съел свою сперму. Клейстерный запах.

В пещере играли в карты и монотонно разговаривали. Зашла черная пантера и чесалась в комнате моего глаза. Я лежал обугленный под одеялом и думал, что уже не встану, и эти мысли все больше становились реальностью. Мочился в

банку и сливал в форточку. А потом и мочиться перестал. Ничего уже не надо было делать, не хотелось курить, не хотелось женщин. И даже голод уже не мучил. Мыслей о самоубийстве не было, просто умирал, как томагочи.

Одиннадцать

– Его нет дома! Он на работе, в командировки... Свои, бля, все дома сидят! Свои...

Открылась дверь, и повалились узлы, загремела гитара. Я приподнялся – советский, аккуратный и смешной чемодан, похожий на самого Димку; маленький телевизор и видеомагнитофон «Грюндиг», видеокассеты с мультиками для Димкиной работы в «Союзмультфильме», странный парфюм «DRAGON NOIR». И эта его книжка «Голый завтрак», которую я всегда видел у него в общаге.

– Анварка, так ты здесь! – Он протирает запотевшие очки и шурился.

«Здесь», – хотел сказать я, но только захрипел.

– Анварка, как здесь жить?! Сарай, ёпть! Там какие-то гамадрилы ходят! – Он испуганно засмеялся и шмыгнул носом. – Уже червончик у меня стрельнул, этот мужик, Ана-толь. Я даже среагировать не успел. А-на-толь, бля!

– Да, Дим, у меня тоже.

– Сюда даже девушку приличную стыдно привести... И-ё-о, а ванну ты видел?! – Он достал пузырек и закапал в нос. – Ваа-ще говорить нэ могу.

– Пройдет, Дим.

– Пройдет, – засмеялся, захрипел носом. – Хронический гайморит, бля.

– А-а. Ну как дома, Дим?

– Нормально, Анварка, – сказал он и ушел сморкаться в шкаф слева, где уже начал развешивать свою аккуратную одежду мальчика-отличника. – Нормально, ни дня без грамма.

– Я-асно, Дим.

– Так, Анварка, может, как всегда, а? Я сейчас мясо приготовлю, а ты сходи в магазинчик... бля, Анварка, ты смешной какой-то... ты в запое, что ли?

– Да-а, есть маленько, – ноги мелко дрожали. – Что пить-то будем, Дим?

– Только не коктейли! Надоели коктейли. Вина что ли красного взять?

– Точно, Дим, мясо же все-таки.

Собирался и, казалось, что нас трое, оборачивался. Брел в магазин и смеялся по дороге, вспоминая, как Димка недовольно бурчал на кухне: «Твою мать, это тараканы, что ли?!»

Прикольный этот Димка. Твою мать, это тараканы что ли?.. И так аккуратно раскладывал зимние шерстяные трусики, платочки, полотенца, чувствуется, что мама ухаживает за ним, заботится, думает, как он там, в Москве...

– «Хванчкару», пожалуйста, вон, та, которая за тридцать.

Выгреб листовки из ящика. Еще на лестнице я услышал музыку.

«Опять Меладзе слушает, прикольный этот Димка!»

– Дим, я «Хванчкару» взял.

– Ты знаешь, что Хванчкара – это маленькая деревня в Грузии, и у них маленький виноградник, а здесь в Москве это вино разливают тоннами.

– Поддельное, значит, но оно вкусное, Дим, я пил.

– А, действительно, какая нам хрен разница?

– Дим, вот все-таки, как ты так вкусно готовишь суп, а?

– Да, Анварка, – засмеялся он, подняв голову с гладко зачесанными назад волосами, блестя круглыми очками. – Крошу все подряд туда.

– Ты повар настоящий, на самом деле.

«Она была актрисой и даже за кулисами играла роль, а зрителем был я, – пел Меладзе. – В душе ее таинственной скрывались ложь и истина, актрисы непростого ремесла».

– У нас сегодня какой-то вечер достижений Грузинской культуры, Дим.

– Что ты говоришь? Ага, вкусное, на самом деле, наливай, – сказал он. – Буду знать теперь. «Хванчкара».

«Красота актрисы так обманчива и влечет напрасными надеждами. Ничего слова ее не значили, и в душе моей все по-прежнему».

– Зачем ты это слушаешь, он что, нравится тебе, Дим?

– Знаешь, Анвар, – сказал он, жмурясь за очками. – Ведь он это про меня поет, про мою бывшую жену. Вот все точно так и было: она тоже была актрисой, играла роль даже в нашей жизни, а сама изменяла мне, а я верил ей.

– Да, Дим, извини.

– Стоял уже за кулисами нашей жизни, а все верил ей. Правду говорят, что про свою жену узнаешь самым последним. Смешно и очень верно, это так. Тупо, смешно и верно.

– А она кто у тебя была по гороскопу?

– Телец.

– Ну-у, Дим, Телец не подходит Деве.

– А все говорят, что подходит. Все гороскопы, которые я читал. Есть счастливые союзы, Анварка.

– Точно, все говорят, но на самом деле абсолютно не подходит, точно тебе говорю, Дим!

– В этот раз с дочкой встречался, – сказал он. – Гуляли с ней так долго, потом отводил ее домой. И знаешь, Анварка, я задумался о чем-то и долго-долго так шел в своих мыслях, а потом вдруг как-то почувствовал ее ручку в своей руке и вспомнил про неё, что я с дочкой иду, испугался даже. И знаешь, Анварка, она тоже притихла и тихо шла, только искоса посматривала на меня, она поняла, что с папой что-то происходит, и она переживала за меня, ей тоже стало больно, как и мне, ведь мы с ней родные, связанные, а ведь она еще такая маленькая...

Он вдруг увидел, что я смотрю на его руки, на эти его большие шрамы, похожие на кривые улыбки, и я уже не мог спрятать взгляд.

– Слушай, Дим, у тебя руки такие волосатые! У тебя грузин каких-нибудь не было в роду?

– Нет, Анварка, мама говорит, что прибалты были.

– А-а... А что за книжка «Голый завтрак»?

– Не знаю, не читал.

– Я ее у тебя всегда вижу.

– А хрен знает, зачем-то таскаю с собой.

– Да, бывает такое. А ты, знаешь, Дим, как в Москве журналы издаются? Восемьдесят процентов картинок, Дим, сканируются из старых западных журналов. Мы тоже сканируем. Пиздим, короче говоря.

– Я знаю. И в музыке так же.

– Дим, знаешь, что я ненавижу больше всего?

– Что, Анварка?

– Я ненавижу пословицу: если ты такой умный, почему такой бедный?

– И я, я тоже ее ненавижу. Ван Гог был тупой.

– Дим, а как твое имя будет по-американски?

– Не знаю, ну, допустим, Джон, а что?

– А мое?

– Анджей, нет, это польское... Анди... Энди, вот как ты будешь по-американски. А что?

– Я понял, Джон, – сказал я с ленивым пренебрежением. – Ты – неудачник!

Димка закурил.

– Вот что я тебе скажу, Энди. Ты, бля, тоже неудачник, Энди.

– Как это нелепо, говорить кому-то, что он неудачник.

– Энди?

– Ну что, Джон?

– Я знаю, что у тебя есть шампанское!

– Ты видел, что ли, уже?

– Я что угадал, что ли?!

– Точно есть.

– А потому что, Анварка, у тебя всегда есть шампанское заныканное.

Я достал шампанское. Он веселился, как ребенок.

– Вот блядь, Энди, это мясо горит!

– А что, еще и мясо есть?

– Не знаю, не знаю, по-моему, уже нет. Блин, но какой-же все-таки проигрыш на саксофоне хороший – па-ба-рай-ба-пай... па-ба-рай-ба-пай... вспомнил сейчас... ани были так-сис-ты... па-ба-рай-ба-пай...

– Дим, а прикинь... дым, бля, какой... а прикинь, у нашего Юрия Владимировича пальцы короткие и когда он здоровается, такое чувство, будто у него пальцы отрублены на половину.

– А это кто?

– Да так, есть там один. Дим, я же здесь бабу недавно трахал.

– Да ты что? – посерьезнел так, замер.

– Да, в возрасте уже, Надежда. Познакомились по телефону, она номером ошиблась... У нее, Дим, видать так давно никого не было, что она смотрела на меня, вылупив глаза. И

вот я это, вхожу в нее, короче, а она такая: ой, мама, я вхожу, а она: ой, мама, ой, мама, ой, мама... ей лет сорок уже, а она – ой, мама. Я как расслышал, мне так смешно стало, а она: ой, мама, ой, мама, я терпел, а потом тоже говорю: ой, папа, ой, папа. И вдвоем с ней, она: ой, мама, я – ой, папа, о-о-х мама, о-о-х, папа, ой, мама, ой, папа, причем оба серьезно так, главное, что серьезно.

Димка заржал.

– Как-как ты говоришь?

– Ой, мама, а я – ой, папа, ой, мама, ой, папа.

Делал что-то с мясом и все повторял: ой, мама, ой, папа, и хохотал.

– Надежда умирает последней, а я ее законный наследник, – пропел я.

– Анварка, а может нам девчонок каких-нибудь снять?

– Давай, Дим, здесь поблизости, да?

Мы быстро оделись и вышли. Как только появлялись девчонки, весь наш запал пропадал. Я надеялся на Димку, а он на меня. Когда они появлялись, Димка становился серьезным и равнодушным и как будто бы совсем не пьяным. Так и стояли на остановке, два идиота.

– Дим, а ты знаешь, что если в Германии мороз чуть выше десяти градусов, то там жизнь замирает?

– А в Индии, Анварка, минус два – уже со смертельным исходом...

– Я понял, Дим, у нас не получится, мы не созданы для

этой роли.

– Я вот тоже думаю.

– Это надо Гарника.

– Да.

– Или Германа.

– А нам, на самом деле, не это интересно, неудачник Джон.

– Но хочется же, неудачник Энди.

Дошли до светофора, подождали зеленый и не стали переходить. Снег. Тетка с догом. Мусорный бак с выломанной балконной дверью.

– Дим, скажи, а правда дог похож на гомосексуалиста?

Он смотрел и хмыкал.

– Да, точно, что-то есть такое... Ну что, так и будем идти?

– Дальше и дальше, – сказал я, и мы оба остановились.

– Может, педик у Кириллу позвонить? – засмеялся он.

– А ты что знаешь про него? – я тоже засмеялся.

– Мне Артемий Финецкий говорил, да про него все знают, он сам бегаёт и всем рассказывает, что стал педиком. Он, конечно, приедет, если ему позвонить.

– Да уж, Дим.

– А Гарникян чем занимается?

– Слоган для Билайн хочет придумать.

– А-а... Может водки выпить?

– Коктейли не надо, коктейли не надо! Если водки выпьем, Дим, у нас такой коктейль внутри будет, Северное си-

яние, бля!

– Надо выпить, а то насморк замучил.

Купили водки. Смотрели на девчонок. Прошли мимо этой жалкой, занесенной снегом по самую крышу, «Волги».

– Так бы и сказал, Дим, что водки хочешь, а то – девчонок снять, мы не созданы для этой роли.

– Я вот сам не люблю в себе это, нерешительный, бля.

– И я тоже, Дим.

– Поэтому мы и оказались здесь. Сейчас позвоню Кириллу и скажу: педик-неудачник Кирилл, дело есть, короче, смазывай задницу и к нам, – он захохотал.

– Поэтому, Дим, мы здесь, а Гарник и Герман с женами. А мы здесь с водкой... – рот мой вдруг наполнился ее губами, и я услышал синтетически свежий запах жвачки... – забыл тебе рассказать, мы после Нового года с Германом проститутку сняли.

– Ой, мама, блин, я пропустил. Ой, папа, бля.

– Хорошая, только она какая-то сонная была, и Герман ее все время будил, мол, работать, матушка, работать.

– Это он так говорил?!

– Но! Работать, матушка, работать, а она спит.

– Ой, мама, бля, работать, матушка, работать?! – Димка захохотал.

– Давай, Анварка, по капельке.

Мы выпили. Я выпил только потому, что Димка хотел.

– А я вот, Анварка, смотрю на эту губку для обуви и ду-

маю, как просто все сделано. Но почему это китайцы придумали, а не я. Так хочется что-нибудь придумать нужное всем.

– И мне.

– Может, нам тоже проститутку снять?

– Денег нет, Дим.

– Блин, и у меня нет, работа есть сделанная, а денег нет.

А может, нам по объявлению проститутку вызвать?

– Ни одной газеты нет у них, мы уже искали с Германом.

– Вот, блин! А вот как можно без газет жить?! Это же дешевле, если по газете искать.

– Дешевле.

– Неудачнику педик у Кириллу, что ли, позвонить? – снова сказал он и засмеялся. – Как странно, Анварка! Так странно, что в этом огромном городе, мегаполисе, очень много одиноких девушек, девушек уставших без любви, и мне хочется подойти к ним и раскрыть свою грудь, и сказать – посмотри, какая у меня душа, зачем тебе «мерседесы» и счета в иностранных банках?! Ты знаешь, какой кроется внутри меня мир и какое счастье я могу тебе подарить! А они ищут совсем другое, обманываются, их используют, и все равно, бя...

– Нет, Дим, такое поколение женщин вымерло. Вымерло, как класс. Декабристок больше нет.

– И наверное, сотни, сотни тысяч из них в данный момент мастурбируют и мечтают о мачосах, а мы не можем никого найти. Я прямо чувствую их, слышу, как они стонут, и умо-

ляют нас прийти. А мы ищем проституток.

– О-о, Димка, о-о, Анварка, наконец-то, о боже, о-о-о...

– Ой, мама, бля.

– Ой, папа.

– Говорят, в Японии наносят такие штрих коды на плечо, девушки, парни на дискотеках, и у всех считывающие устройства. Считываешь, а там написано: «хочу трахаться» или – «не прочь».

Я засмеялся и понял, что пьян, тяжело и устало пьян. А потом смотрел телевизор с выключенным звуком. А Димка что-то искал и все двигал меня.

– Где же он может быть?

– Дим, ты чего ищешь-то?

– Ключ ищу.

– А-а.

Он уходил, приходил и снова двигал меня.

– А что за ключ-то?

– Старинный такой, длинный должен быть ключ, резной.

– А-а.

– Не видел?

– Нет, какой ключ-то, Дим?

Он налил себе, немного налил мне и выпил.

– Анварка, там, в глубине моего шкафа какая-то дверь в стене, и прорезь для вот такого ключа.

– Ни фиги себе, а я не видел.

– Странная дверь, эти гамадрилы ничего тебе не говорили

про нее?

– Нет.

– А Вова, тоже ничего? Странно, я вот думаю, что же там такое, что за нею, дверь-то старинная?

Я почти весь влез в этот встроенный шкаф, но только стена, шероховатая гладь обоев.

– Где, здесь, что ли, Дим? Или сбоку? Штаны твои мне на голову...

Он сидел с гитарой, курил разноцветную сигаретку и спокойно смотрел на меня.

– Нет?

– Нет, конечно, Дим!

– А я думал, что, может, ты ее увидишь.

– Я-асно, Димон.

– Так грустно, Анварка, всегда ищу потайную дверь, а нигде нет. Почему нет потайной двери?

Я тоже закурил его необычную сигаретку.

– Дим, удивительно, где ты такие сигареты цветные находишь?

– Да-а, Анварка, так хочется, чтобы в этой хрущобе была хоть одна потайная дверь, – он засмеялся и замолчал, уткнувшись в гитару. Почесал струны где-то у себя сбоку. – Мимо белого яблока луны, мимо красного яблока заката, облака из неведомой страны все плывут и плывут, плывут куда-то. Облака-а, белогривые лошадки, облака, куда вы мчитесь без оглядки? Не смотрите вы, пожалуйста, свысока-а, а

по небу прокатите-ка вы меня...

Меня так поразило это его пение, тихий гитарный фон, я затаил дыхание и боялся пошевелиться. Я вдруг почувствовал, что такого не услышу больше никогда в жизни.

– Мы помчимся в заоблачную даль мимо гаснущих звезд на горизонте...

Эта детская песня, которую в мультфильме весело и задорно пели ежик, заяц и какая-то белка, была так трагична в его исполнении и так безысходна, что хотелось закричать. Я вышел в коридор и столкнулся с Анатолем. Он сжимал в кулаке большую отвертку, темное лицо его кривилось, щеки ярко блестели.

– Андрей! – членораздельно сказал он. – Как же хорошо ты поешь, бля! Ты мне всю душу порвал!

– Да это не я, Анатолий! Если бы я еще умел и петь! Это Димка.

– Димка? Этот, что ли? Все равно хорошо, а пиздец мне, ребята! – он закрылся в ванной.

Я думал, что не засну с горящим светом, но заснул, и проснулся. Димка допил водку и казался трезвым, касаясь языком нёба, он тихо выщелкивал какой-то мотив. Записал что-то на клочке бумаги. Принес чайник с паром, нарезал кружочками банан и полил сверху вареньем. Я смеялся про себя, глядя, как аккуратно и с любовью он это делает. Интересно наблюдать за человеком, когда он не знает и не обращает внимания на то, как он сам выглядит со стороны, и

оказывается такой хороший в этот момент. В одиночестве человек святой.

– Дим?

– Что, Анварка?

– Ты знаешь, что мы с тобой, как Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

– Почему?

– Они ведь тоже снимали квартиру на Бейкер-стрит и даже не переживали по этому поводу. Потом Ватсон женился, ему уже лет много было...

Надо будет выпросить у Вовки тот чуланчик, чтобы не болтаться скрюченной фигурой в Димкиных ночных грезах.

Двенадцать

К вечеру необыкновенно синее небо. На ветке, рядом с моим окном, сидел маленький черный человек. Я вздрогнул в своей новой комнате, боясь еще раз повернуть голову... Он также сидел и чистил крыло, это был грач, такой большой, что я испугался. В открытой форточке стеклянно колыhalось теплое марево, и ветви дрожали, будто лежат в воде. Я замер и в этой тихой секунде вдруг услышал слабый, нежный запах весны, и обрадовался этому большому грачу, этим дрожащим ветвям и этой мрачной комнате с матрасиком на полу, все уже было весеннее и радостное, во всем сквозила жизнь – я пережил эту зиму, все пережил.

– Кам ту Марракеш, – пел и брился. – Кам ту Марракеш. С удовлетворением замечаешь, что невозможно бриться и петь одновременно. Да, невозможно бриться и петь одновременно. Вообще-то мне плохо, но именно сейчас радостно, я весел и ироничен.

Брил это свежее, резиново-хрустящее и как всегда некрасивое с утра лицо, особенно татарское и некрасивое с утра лицо.

Чайник вскипел. Заварил прямо в чашке Димкин чай «Принцесса Нури», покрепче, чтобы зубы хрустели. Нашел газетку и гладил свою белую рубашку с глупой надписью «Charli». Я в ней женился, глупец. Потом гладил брюки, кап-

ли воды упруго и весело скрипели и хрустели под днищем утюга, подбрасывали его.

Солнце. Пение птиц. Запах разогретого утюга и распаренных брюк.

И сиюминутная уверенность в возможности счастья.

«Филипс – изменим жизнь к лучшему». Поднимался на эскалаторе, и вдруг в воздухе взблеснуло, я зажмурился, отшатнулся, подумав, что в меня брызнули водой, а это ветром со станции вздуло волосы девушки, и они блеснули, как мириады капель.

Беременных стало больше, надо записать... А здесь мы ехали с Серафимычем когда-то.

Задумался и очутился возле общаги, даже сам не поверил. Теряешь контроль – и вот снова у общаги. Часы «ЗИЛ» на стене также показывали без пятнадцати одиннадцать. Доехал на лифте до четвертого этажа. Очень мрачно в коридоре, еще и оттого, что не было света. Долго стоял возле своей двери, делая вид, будто пришел к кому-то. Уже почти не узнавал ее, только номер тот же – 412. Странно, что мы здесь жили с Асель, что она ходила в халате, и я видел ее в коридоре. Потом вдруг увидел след от китайского карандаша против тараканов на косяке. Заболело сердце. Ведь это она чертила той зимой. Она еще писала какие-то буквы. Оказывается, это были не буквы, а крестики-нолики, и получалось – охо-хо. А вдруг она сидит там, в темной пустой комнате, одна, в халате и ждет меня все это время. Хотелось окликнуть ее. Я при-

жался к двери, прислушиваясь. Охо-хо, охо-хо... Как может быть так, что время все лечит? Как мучительно и невозможно, кажется, ждать, когда пройдет время боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.